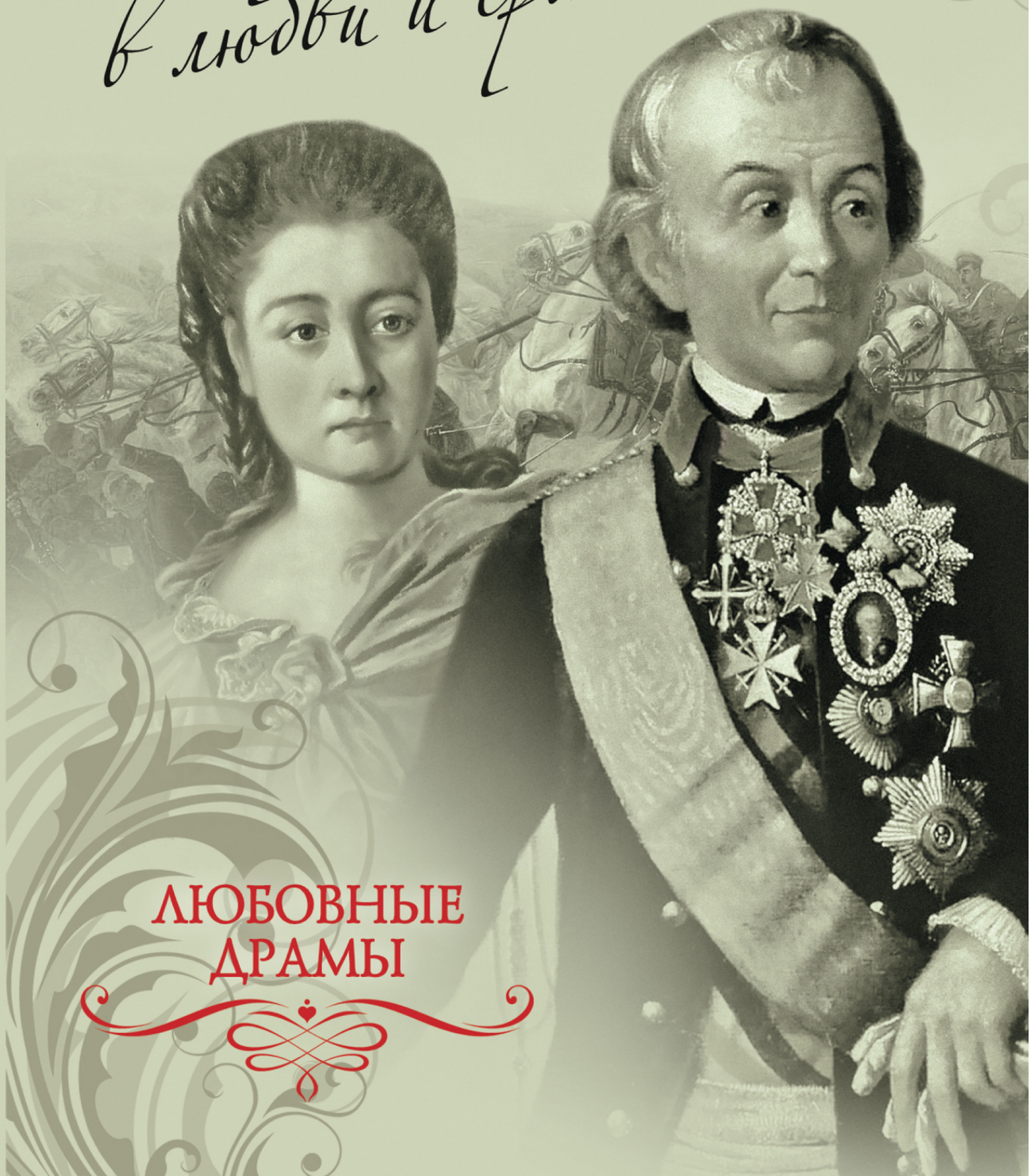

Н.Ф. ШАХМАГОНОВ

*Орлы Екатерины
в любви и сражениях*

ЛЮБОВНЫЕ
ДРАМЫ

Любовные драмы

Николай Шахмагонов

**Орлы Екатерины в
любви и сражениях**

«ВЕЧЕ»

2016

Шахмагонов Н. Ф.

Орлы Екатерины в любви и сражениях / Н. Ф. Шахмагонов —
«ВЕЧЕ», 2016 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4484-7779-9

Екатерининские орлы — блестящая плеяда российских полководцев, сподвижников императрицы Екатерины Великой, отличившихся в многочисленных сражениях второй половины XVIII в., — Бецкой, Румянцев-Задунайский, Суворов, Орловы, Потемкин, Кутузов. Новая книга историка Николая Шахмагонова рассказывает не только о военных победах знаменитых полководцев, но и о малоизвестных страницах их жизни, семейных отношениях и романтических увлечениях. Авторское исследование основано на материале многочисленных воспоминаний современников, мемуарах, письмах и безусловно будет интересно широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-4484-7779-9

© Шахмагонов Н. Ф., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Любви все возрасты покорны	5
Князь Трубецкой: накануне шведского плена	6
«И исшед вон, плакася горько»	9
«...содержат генералов в Стокгольме как зверей»	14
«...уверил, что он вдов и от неё имел сына...»	16
«Не оскорбилась связью мужа с иноземною особою...»	18
От рождения в плену шведском к роману парижскому	19
Мать «привязалась... ещё более – к камергеру Бецкому»	23
«Вашего Императорского Величества Иван Бецкой»	25
Бецкому «За любовь кь Отечеству»	27
«Входя в комнату... Государыня целовала у него руку»	29
«Пусть вытечет вся немецкая кровь и останется русская»	31
Бобринский – сын Екатерины II и внук Бецкого	34
Война его невеста, любовница, жена...	41
1. «Высечь сына-полковника и женить!»	42
«Необходимо Мне пришло с Вами изъясниться...»	49
Любить Императорским Указом не заставить!	52
«Всякая неожиданность поражает турок»	54
Награды Императрицы и восторги короля	61
Несчастья статс-дамы Румянцевой	63
«При принцессе состоять супруге Румянцева»	65
«Дело в сём крае» должно быть под «вашим командованием!»	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Николай Федорович Шахмагонов

Орлы Екатерины в любви и сражениях

Любви все возрасты покорны

Иван Иванович Бецкой (1704—1795) от «незаконного» рождения в шведском плену до «парижского романа», встречи с внебрачной дочерью в России и воспитания внука.

Князь Трубецкой: накануне шведского плена

Это было время, когда ещё не родились ни будущая императрица Екатерина Великая, ни герои «из стаи славной Екатерининских орлов». Ещё Россия стонала, вздёрнутая на дыбу преобразователем, пытавшимся превратить её в сырьевой придаток Запада. Ещё не сбросило русское воинство ярмо нарвского позора, в коем виноват был только тот, кто двинул неподготовленное и слабо вооружённое войско в пекло на авось.

Ещё не вернулись домой русские воины, оказавшиеся в шведском плену...

Именно в то нелёгкое время, в самом начале XVIII века, и именно в шведском плену, благодаря таинственному любовному приключению русского князя Юрия Трубецкого, появился на свет человек, которому суждено было сыграть великую роль в истории Русской правящей династии.

Почему я сделал такое предисловие? Об этом читатели узнают из повествования о человеке, которого пока не называю по имени, и о его рождении, уже представлявшем собой сюжет для любовного и не просто любовного, а даже детективного любовного романа. О его детстве, прошедшем на чужбине, где отец находился в плену, о его юности в Копенгагенском кадетском корпусе и трагедии, прервавшей военную службу, наконец, о его путешествии в Париж и любовных приключениях в Париже, положивших начало легенде, которая при ближайшем рассмотрении становится правдой.

В результате парижских приключений, а проще говоря, в результате любовного романа и произошли события, повлиявшие не только на самого нашего героя и его жизнь, но и на судьбу женщины, его возлюбленной, которую через годы судьба занесла в Россию. Причём приехала она в Россию по высочайшему приглашению, и приехала не одна, а с дочерью...

Ну а теперь обо всём по порядку.

Жил в России на рубеже XVII – XVIII веков Иван Юрьевич Трубецкой, сын боярина Ивана Трубецкого и Ирины Васильевны Голицыной – сестры знаменитого фаворита царевны Софьи Алексеевны, Василия Васильевича Голицына.

Князь Иван рано лишился матери – умерла урождённая княжна Голицына в 1679 году, когда ему исполнилось всего два годика.

Род Трубецких знатен, известен на всю Россию. Породниться с ним – честь великая. Князь Иван Юрьевич женился рано, выбрав в жёны княжну Анастасию Степановну Татеву, как отмечено биографами, «последнюю представительницу старинного и уважаемого русского рода». Женился рано – рано и овдовел. Умерла молодая жена в 1690 году.

К числу любителей холостых забав князь Иван Юрьевич не относился, он мечтал о хорошей, доброй семье, а потому уже в следующем, 1691 году венчался с новой избранницей – двадцатидвухлетней Ириной Григорьевной Нарышкиной, троюродной сестрой матери царя Петра, царицы Натальи Кирилловны.

Через год родилась в семье первая дочь Екатерина.

Казалось бы, жить да жить. Что ещё нужно богатому и знатному молодому человеку?! По службе продвигался Иван Трубецкой быстро. Сказывалось родство с царской семьёй. Уже в 1693 году стал он капитаном, а через год полковником Преображенского полка.

Известный русский историк Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский в книге «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» рассказал, что царь настолько доверял Трубецкому, что в 1698 году во время подавления восстания стрельцов «поручил надзор за мятежной сестрою своей, которая содержалась под стражею в Московском Девичьем монастыре».

Поведал он и о выполнении князем этой, как оказалось, непростой задачи:

«Трубецкой должен был остерегаться не одной хитрой Царевны, но и отчаянных Стрельцов: сделав подкоп под самую комнату, где стояли часовые его, они проломали пол, освободили Софию и потом устремились на стражу. Тогда Трубецкой заперся в келье, желая скрыться от мщения ожесточившихся мятежников. Уже Стрельцы приближались к тому месту, как, к счастью Трубецкого, один товарищ их, бывший до того брадобреем князя, ему преданный, бросился вперёд, желая будто показать им дорогу и отвел, таким образом, убийц от кельи, в которой он находился, способствовал его побег».

Не рассказывая подробностей о потрясших Москву изуверствах царя – «не модно» было в ту пору подобные факты про возвеличенного преобразователя сообщать, – историк поведал о князе, который показал себя человеком, помнящим добро:

«В числе связанных Стрельцов, которых головы лежали на плахах, Трубецкой заметил брадобрея, спасшего ему жизнь. Немедленно великодушный Князь повергся к ногам царя, описал поступок осуждённого, просил, умолял о пощаде, получил желаемое; но не довольствовался исходатайствованным прощением Стрельцу: поселил его в одной деревне своей, освободил навсегда потомство от оброка. Благородный поступок, заглаживающий событие монастырское!»

Казалось бы, подумаешь, обратиться к царю с просьбой. Но не так уж это было безопасно в те страшные дни, когда Пётр, по сообщению современников и историков, был совершенно невменяем...

Историк В. Мавродин в книге «Пётр I» писал:

«Всего казнено было 799 стрельцов. Всё это время Пётр находился в состоянии сильного душевного возбуждения и нервного расстройства. На одном из пиров у Лефорта, раздражённый чем-то, он выхватил шпагу и, не сознавая, что делает, начал колоть и рубить направо и налево. Его еле успокоил “Алексашка” Меншиков. На другом пиру сам “Алексашка” был избит до крови Петром за то, что танцевал, не сняв сабли...»

И всё же Иван Трубецкой, который видел, каков Пётр в те дни, решился просить за своего спасителя. Это был смелый поступок...

В 1698 году Пётр Первый пожаловал ему чин генерал-майора и сделал Новгородским губернатором, отметив, таким образом, заслуги по охране заточённой в Новодевичий монастырь царевны Софьи Алексеевны.

Конечно, время стрелецкого бунта оставило тягостные воспоминания. В те осенние дни в Москве кровь лилась рекой. Только у ворот Новодевичьего монастыря и перед кельей царевны Софьи Алексеевны были повешены 195 стрельцов. Трое из них были повешены перед самыми окнами так, что узница могла легко достать до них рукой. В руки казнённым были вставлены челобитные. Пять месяцев не убирали тела зверски умерщвлённых стрельцов.

Новгородское губернаторство помогло понемногу отойти от тяжёлых впечатлений и воспоминаний. А в 1700 году родилась в семье вторая дочь Анастасия, которая тем в истории знаменита, что в первом браке была супругой молдавского господаря Дмитрия Кантемира, которого очень ценил царь Пётр, а во втором – за принцем Гессен-Гомбургским Людвигом. Принц впоследствии оказывал покровительства нашему герою, имя которого называть и теперь пока рано.

Итак, жизнь и карьера князя Ивана Юрьевича Трубецкого складывались более чем благополучно. В тридцать один год он стал генералом. К генеральским званиям тогда ещё только привыкали. Введены они была Алексеем Михайловичем, и первым русским генералом стал, как известно, отважный, дерзкий, талантливый военачальник Григорий Иванович Косагов.

Но тут грянула Северная война, необыкновенно длинная и тяжёлая для страны. Генерал-майору Ивану Юрьевичу Трубецкому царь вручил в командование дивизию, которую вместе с другими соединениями повёл на Нарву.

С этого похода и начались беды и злоключения Ивана Юрьевича Трубецкого, которые в то же время сыграли и благую для Отечества роль, ибо благодаря им появился на свет герой повествования.

И снова мы отложим до времени рассказ о нём. Как тут не коснуться поподробнее первого боевого дела генерала Трубецкого.

«И исшед вон, плакася горько»

Историки, ориентированные на тёмные силы Запада и подыгрывающие им, всячески возвеличивают фигуру Петра, приписывают ему создание новой армии – полков нового строя. Даже сам царь опровергал это, заявляя:

«Понеже всем известно, каким образом отец наш... в 1647 году начал регулярное войско употреблять, и устав воинский издан был».

Историки подсчитали, что перед вступлением на престол Петра I полки нового строя составляли 70 % численности вооружённых сил России, а к концу его царствования – 80 %. Можно ли назвать царя Петра создателем регулярной армии, если он всего лишь на десять процентов увеличил то, что до него сделал его отец?

Пётр I просто разогнал русских генералов и командиров, поставил на их место разлюбезных своих иноземцев и резко снизил боеспособность Русской армии. Результат не замедлил сказаться. Историки называют Северную войну, начатую Петром I в 1700 году, едва ли не самой не подготовленной с русской стороны и едва ли не самой неудачной для России.

К концу XVII века Швеция настолько расширила свои завоевания, что фактически превратила Балтийское море в «шведское внутреннее озеро». И этого захватчикам казалось мало. Шведский король Карл XII задумал захватить русские города Новгород, Псков, Олонец, Архангельск. Ему удалось создать сильную коалицию – «Союз морских стран» – в составе Швеции, Англии, Голландии и Франции. Союз оказался довольно прочным.

Пётр I тоже стал собирать союзников, но малограмотность, отсутствие исторических знаний и понимания обстановки в Европе сделали этот союз, как показали дальнейшие события, крайне ненадёжным.

Кстати, свою малограмотность он также признавал. Императрица Елизавета Петровна вспоминала, что однажды царь-отец зашёл в комнату, когда она занималась по учебникам. Взял в руки учебник, посмотрел и сказал со вздохом: «Эх, если бы меня так учили!»

Но факт остаётся фактом. Образования он не получил. Николай Костомаров отметил, что «учась на шестнадцатом году четырём правилам математики, Пётр не умел правильно написать ни одной строки, и даже не знал, как отделить одно слово от другого, а писал три-четыре слова вместе с беспрестанными описками и недописками».

Ну а как можно управлять государством, не имея ни малейшего представления об управлении, ничего не понимая в политике, в дипломатии, как можно воевать, понятия не имея ни о стратегии, ни об оперативном искусстве и даже о тактике действий.

Вот и составляя коалицию, он выбрал в союзники и уговорил выступить на стороне России Польшу, точнее, даже не всю страну, а лишь короля Августа II, едва державшегося на троне. Зазвал Пётр в свою коалицию и Данию. Но она могла стать, скорее, обузой для России, нежели её помощницей. Датская армия была настолько слаба, что не способна была отстоять даже свою столицу и разбежалась при появлении 15-тысячного отряда шведов.

Тем не менее царь Пётр спешил вступить в войну и обещал открыть боевые действия сразу после заключения мира с Турцией. Слава богу, его убедили, сколь опасной и бесперспективной могла быть война на два фронта.

И вот 18 августа 1700 года мир с Турцией был заключён, и уже на следующий день, 19 августа, Пётр объявил войну Швеции.

Историки отметили, что редкая война даже Россию заставила так врасплох и была столь не продумана и не подготовлена. Борис Башилов «История русского масонства» точно определил причины такого положения:

«Сумбурность всех начинаний Петра в значительной степени объясняется тем, что он не имел систематического образования, что он до двадцати с лишним лет, в силу сложившихся

обстоятельств, вращался главным образом среди невежественных людей, которые не сумели привить будущему царю ни православного мировоззрения, ни русских исторических традиций, соблюдая которые Русь сумела выйти невредимой из всех препятствий, стоявших у неё на пути».

Пётр так и не научился обдумывать и взвешивать свои действия, а это в международной политике недопустимо. Он любил повторять:

«Я могу управлять другими, но не могу управлять собой».

Впрочем, казнить, истязать, угрожать подданным вовсе не означает управлять ими. К примеру, во время одного посольского приёма Пётр бросился на генералиссимуса Шеина, грозя ему: «Я изрублю в котлеты весь твой полк, а с тебя самого сдеру кожу, начиная с ушей».

Но после многих ужасных периодов мракобесия неизменно наступали времена великих взлётов, а закладывались они, как и в нашем случае, именно во времена тяжелейшие.

Пётр не удосужился оценить ни боевую мощь своего противника, ни полководческие способности шведского короля Карла XII.

Историк Николай Костомаров дал Карлу весьма лестную оценку:

«Достоин замечания, что этот молодой король, подавший своими шалостями врагам большие надежды на успех, получив известия о посягательстве врагов на его владения, вдруг как бы преобразился и сделался на всю жизнь необыкновенно деятельным и неутомимым; с тех пор его образ жизни представлял совершенную противоположность с образом жизни его врагов, датского и польского королей. Последние страстно предавались неге, забавам, пирам, фавориткам и придворной суетности; Карл всю жизнь свою не пил вина; не будучи женат, не держал любовниц, не терпел никакой роскошной обстановки, вёл самый простой образ жизни и притом был чужд всякого коварства, действовал прямо, решительно...»

Прибавим к тому, что и Пётр I, подобно своим союзникам, немало времени проводил в забавах и кутежах. Пьянство в любезном ему Кокуе стало нормой жизни, по душе пришёлся и ничем не прикрытый разврат.

Вся Москва возмущалась его связью с дочерью винного откупщика-чужестранца Анной Монс. Красавице жене Евдокии, урождённой Лопухиной, сочувствовали, но никто и предположить не мог, какую судьбу уготовил её в будущем распоясавшийся царь.

Не случайно Николай Костомаров сделал вывод, что Карл XII превосходил Петра I «честностью и безукоризненной нравственностью».

В сентябре 1700 года русские войска осадили шведскую крепость Нарву. Под началом Петра было 35 тысяч человек (по другим данным, даже 42 тысячи). Гарнизон Нарвы насчитывал 1 тысячу 900 человек. Превосходство у Петра было неслыханным.

Заметим, что Потёмкин взял Очаков, не имея превосходства над турками и потеряв при этом 936 человек. Турки же потеряли убитыми 8700 человек, умершими от ран 1440, пленными 4000. Очаков был гораздо сильнее Нарвы. Об Измаиле и говорить нечего. Такой крепости по силе и мощи не знала история. Тем не менее Суворов взял её практически без осады. Он потерял убитыми 1815 человек и 2400 ранеными. А между тем число защитников Измаила достигало 42 тысяч человек. Самые точные сведения – на довольствие в день штурма стояло 42 тысячи турок. Из них было убито при штурме 30 860 и взято в плен 9 тысяч.

Но что же Пётр I? Перед ним была горстка шведов. Казалось, только небольшой натиск, и дело будет решено. Ведь к стенам крепости пришёл общепризнанный «военный гений». Так, во всяком случае, трубили во все трубы и прежде, и ныне трубят те, кому всегда хорошо, когда России плохо, и всегда плохо, когда России хорошо...

Негениальный Потёмкин, прославившийся при штурме Очакова, после этой своей операции едва лишь появлялся перед сильными крепостями Аккерман и Бендеры, как те сразу сдавались на его милость.

Но Пётр пришёл под Нарву и встал перед ней, не зная, что делать далее. Русским генералам он не доверял. На себя брать ответственность боялся. Он избрал в жизни удобную позицию. Находясь при войсках или силах флота, в случае победы, присваивал себе все плоды и лавры, а в случае неудачи оставался в тени. Неудачи его, даже самые ужасные, именовались уроками. Мол, молодой правитель молодой страны учился!

Под Нарвой Пётр I отдал армию во власть иноземца герцога фон Круе, полководца бездарного, продажного и трусливого. Частными начальниками над полками и дивизиями были 40 иноземных генералов. Русских среди них было раз, два и обчёлся. Да и оставались в строю из природных русских в основном приближённые к Петру генералы. Такие как Иван Трубецкой, который, как мы видели, военному делу практически не учился. Пошёл за Петром в потешные войска, потом стал капитаном-преображенцем. Через год, как уже говорилось, полковником. За какие заслуги и на основании каких наук? Охрана заточённой царевны Софьи Алексеевны? Там ни стратегии, ни оперативного искусства не было.

Что мог знать Иван Трубецкой о том, как вести осаду крепости, как готовить войска к штурму, как вести их на штурм?!

Осадными работами Пётр поручил руководить саксонскому инженеру Галларту, который и вовсе не собирался служить России – он только материальное вознаграждение за эту видимость службы собирался загребать. А потому умышленно затягивал дело, пока не понял, что вот-вот придёт пора ответить за свои достижения, и перебежал к шведам в крепость. Предполагал, что Петру не по зубам Нарва.

Нерешительные, а то и просто предательские действия командования привели к тому, что более месяца сухой погоды было потеряно напрасно. Когда же зарядили дожди, началась, наконец, бомбардировка крепости. И тут выяснилось, что пушки, купленные Петром перед самой войной у шведов, никуда не годятся. Нашёл у кого покупать! Так бы ему и продали что-то путное, ведь понимали шведы, что столкновение с Россией неизбежно. Ну и получил то, что надобно не Русской армии, а шведской...

При стрельбе ядра не долетали до стен крепости. Да и маловато заготовили боеприпасов. Они скоро закончились, и даже такую потешную артиллерийскую подготовку штурма пришлось прекратить. Подвозить же боеприпасы, продовольствие, снаряжение стало невозможно из-за сильной распутицы и почти полного отсутствия дорог. В войсках начался голод.

Деморализованное иноземными генералами, униженное равнодушным к нему царём русское войско уже не представляло реальной силы. Солдаты же видели, что творится вокруг. Они видели и то, что ядра шлёпаются в грязь, едва вылетев из стволов пушек, они видели отсыревшие заряды для ружей, они видели пустые, потухшие котлы полевых кухонь.

Русский солдат – самый выносливый и неприхотливый солдат в мире. Как, собственно, и весь русский народ – самый стойкий народ в мире. Это доказано историей, это отмечено во многих трудах. Но для стойкости беспримерной нужно совсем немного – нужно, чтобы командиры и начальники дурными не были, нужно, чтобы авторитетом пользовались. Недаром даже криминальный мир выкрал это положение. Авторитет – и всё сказано. И лишних слов не надо.

Вот Иван Трубецкой действительно проходил под Нарвой уроки, которые стали ему хорошей школой – но не военной, ибо там учиться было не чему. Жизненной. И это тоже повлияло на будущность того, кто сыграл в судьбе России необычную и важную роль.

Основу осаждающих Нарву войск составляли именно те полки нового строя, которые создавал лично Пётр после зверского уничтожения настоящих, хорошо подготовленных и отважных воинов-стрельцов. Вот эти новые полки и показывали себя во всей красе...

17 ноября царь получил сообщение о том, что Карл XII идёт на выручку осаждённого гарнизона с мобильным отрядом всего в 8 тысяч человек. А у Петра 36 тысяч, если не более

того. Что уж тут переживать? Да с таким-то превосходством гениальному полководцу и делать особо нечего.

Но венценосный предводитель, видимо, хорошо осознавал свои гениальные способности. Что же делать? Остаться со своим войском? Но ведь так можно в плен угодить, а то и того хуже – жизни своей драгоценной лишиться. Жестокие люди никогда не отличаются личным мужеством. Ну а жестокость царь доказал, лично рубя головы стрельцам и заставляя делать то же самое бояр, руки у которых дрожали, что добавляло мучений приговорённым к казни.

Какие уж там картинки всплывали перед венценосным взором, неведомо, только выход он нашёл, как ему, видимо, показалось, блестящий. Едва сообщение о движении шведского королевского отряда пришло, сразу вспомнил царь о необходимости срочно доставить в лагерь Русской армии продовольствие, дабы солдат голодных накормить. А кто это лучше всех сделать может? Только он. Ну и подкрепления ведь нужны. Как же это можно с 36 тысячами против 8 тысяч выходить?

И объявил царь, что срочно выезжает «резервные полки побудить к скорейшему приходу к Нарве, а особливо чтобы иметь свидание с польским королём».

Всё это непременно надо было сделать именно перед сражением с королём шведским. Конечно, беседа с польским королём оказалась очень и очень необходимой. Выбрал Пётр в спасители России польского короля, которого самого-то того и гляди с трона могли сбросить.

Бегство Петра I вылилось в трагедию для Русской армии. Вслед за царём сбежал фон Кроне, а за ним и все почти, за очень редким исключением, иноземные генералы, которых, как помнится, было около сорока человек.

В «злую ноябрьскую вьюгу» Карл XII атаковал оставшиеся без командиров русские войска и начал их разгром по частям. Не получая никаких команд, солдаты стали покидать позиции, искать пути отхода. А путей не было – рухнул единственный мост через Нарву.

Вся эта трагедия проходила перед глазами генерал-майора Ивана Трубецкого. Он не бросил дивизию, он продолжал командовать так, как умел, и его полки встретили врага стойко, насколько стойко можно было встретить в первой неразберихе, не имея прикрытия с флангов, подвергаясь ударам хорошо подготовленных шведских частей.

Пётр Майков так описывал действия дивизии Ивана Трубецкого:

«После отъезда Петра I, Карл XII подошёл к Нарве и 19 ноября, несмотря на страшную метель, напал на осаждавших. Шведы кинулись на дивизию князя Трубецкого, и менее чем в 4 часа вал и 10 орудий главной батареи были уже в их руках. Сражение окончилось поражением русских, причём шведы взяли в плен всю русскую артиллерию, большую часть войска, около 780 офицеров, а также генералов: Ив. Ив. Бутурлина, князя Якова Долгорукова, Артамона Михайловича Головина, Имеретинского царевича Александра и князя Ивана Юрьевича Трубецкого».

Как видим, иноземцев даже не оказалось среди пленных – все удрали ещё до сражения. Ну а дивизия Трубецкого всё-таки стояла хоть недолго, но стояла, отбивая натиск врага.

Войска, брошенные сбежавшими генералами, оказались в таком положении, что сопротивляться было невозможно.

Но шведский король понимал, что всё это может измениться, стоит только найтись хотя бы одному мужественному и распорядительному командиру. Он знал простую истину – нельзя загонять в угол противника, надо дать возможность отойти русским войскам, иначе ведь они могут и повернуть сами, без своего сбежавшего царя, и тогда всё непредсказуемо. И король отдал уникальное распоряжение. Он приказал своим солдатам немедленно починить мост, чтобы разрозненные русские подразделения смогли отойти за Нарву.

Карл XII, в отличие от Петра I, был образован, он знал историю, знал, что прежде, до Петра, русские были непобедимы.

Увы, такого командира, который бы мог спасти положение, не нашлось. Грамотные, волевые, закалённые в боях и походах русские воины, имевшие за плечами опыт побед, были колесованы, обезглавлены и удушены в «утро стрелецкой казни», которое, по образному выражению историка, обернулось для России долгой непроглядной ночью.

Всё было потеряно: артиллерия, стрелковое и холодное оружие, военное имущество. Тысячи погибли под Нарвой, многие тысячи замёрзли и умерли от истощения, голода по пути к Новгороду, страшному пути по бездорожью, слякоти, топям и болотам. Тысячи были замучены и уморены голодом в плену.

«...содержат генералов в Стокгольме как зверей»

Шведский плен, конечно, был далеко не столь жесток, как польский в 20-е годы XX века, но свидетельства о нём в истории есть суровые.

Пётр Майков писал:

«Пленных генералов повезли с жестоким содержанием, по словам Алларта, в Ревель, где им было объявлено готовиться в путь в Стокгольм.

В столице Шведского королевства пленных содержали довольно сурово, особенно в первые годы. Так, по словам историка Д. Бантыш-Каменского, Бутурлин девять лет пять месяцев томился в тяжком заключении в Стокгольме; князь Яков Долгоруков около десяти лет содержался под крепким караулом, занимаясь всё это время рассматриванием шведского правоведения; позднее он был перемещён в Якобшадт; князь Трубецкой содержался 18 лет в Стокгольме.

Князь Андрей Хилков писал Петру: “Нас развезли по разным городам и держат в суровой неволе, никуда не пускают и ни с кем видаться не дают. Царевичу дозволено гулять только с караулом; Вейде держат в погребу...”»

Иван Трубецкой подговорил двух своих товарищей по несчастью генералов Бутурлина и Вейде, единственного иноземца, не сбежавшего с поля боя и потому испытывавшего ужасы плена, и они совершили побег.

Шведы быстро хватились беглецов. Начались поиски. Как укрыться в чужой стране? Тем более – шведские власти тут же дали приметы беглецов во все кирки и пастыри. Они делали ежедневно объявления, в которых обещали крупное вознаграждение за помощь в поимке беглецов.

Трубецкого, Бутурлина и Вейде поймали в лесном массиве, скрутили и привели в дом градоначальника. Все трое были жестоко наказаны.

Пётр Майков приводит строки из письма Хилкова:

«Генерал Вейде посажен в зело тесной каморке; Трубецкого заперли в доме, где сидят осуждённые к смерти для покаяния; ночью с ним замкнуты двое караульных... лучше быть в плену у Турок, чем у Шведов; здесь русских ставят ни во что, ругаются бесчестно и осмеивают. Этот же Головин писал Андрею Артамоновичу Матвееву:

“Известную милости твоей, что содержат оных генералов и полоняников наших в Стокгольме как зверей, заперши и морят голодом, так что и своего что присылают получить они свободно не могут и истинно многие из среды их померли и которого утешения и такого тяжкого мучительства ни в самых барбаризмах обретается...”»

Далее Пётр Майков сообщил:

«По словам Голикова в “Деяниях Петра Великого”, один Трубецкой был оставлен в Стокгольме, а прочие генералы и офицеры развезены по разным городам врознь и все содержатся зело жестоко».

Ну а что же Пётр I?

Западная Европа бурно радовалась «успехам» царя, ставшего сатрапом антирусских сил. Была выбита памятная медаль, где Пётр I изображён на коне с выпадающей из рук шпагой, в сваливающейся с головы шапке и утирающим градом текущие слёзы. Надпись гласила: «И испед вон, плакася горько».

Впрочем, «плакася» Пётр вряд ли. За всё своё царствование он никогда не жалел людей, уничтожая их десятками, а то и сотнями тысяч, ради своих сиюминутных идей.

История Северной войны знает не один пример, когда венценосный «полководец» показывал себя трусом. Однажды Карл XII окружил сильный русский отряд под Гродно. Несмотря на трехкратное численное превосходство над противником, Пётр, «в адской горечи обретаясь», приказал «всё бросить и помышлял лишь о бегстве и собственном спасении». Дождавшись

ледохода, русские войска по его приказу утопили в Немане всю артиллерию и ушли в Киев. Шведы не преследовали их из-за распутицы.

Позор Русской армии, виновником которого стал Пётр I, смыл с неё блистательный русский полководец, старый московский воевода Борис Петрович Шереметев. Кстати, именно его победы позволили в конце концов обменять Трубецкого на пленённого шведского фельдмаршала.

Уже в первые годы Северной войны Шереметев, вступив в Прибалтику с небольшим отрядом, основу которого составляла старая дворянская конница, стал одерживать одну победу за другой. Благо Пётр не мешал и не вешал ему на шею своих любимцев – иноземных генералов. К примеру, летом 1702 года, имея равные силы, он разгромил 6-тысячный шведский отряд, от которого после боя осталось всего 560 человек.

Предвижу возражения: а как же Полтава? Русскими войсками в Полтавском сражении командовал всё тот же Борис Петрович Шереметев. Пётр никаких распоряжений в ходе битвы не давал. Он лишь присутствовал на поле брани. И, конечно, славу победителя прозападные историки отдали ему.

Впрочем, сам Борис Петрович Шереметев не считал полтавскую победу особенно значительной. По отзыву Василия Осиповича Ключевского, под Полтаву пришло «30 тысяч отоцвавших, обносившихся, деморализованных шведов». Предыдущие победы Бориса Петровича Шереметева и других русских генералов довели шведскую армию до такого состояния, что она в течение двух месяцев не могла взять штурмом Полтаву, гарнизон которой составлял всего 4 тысячи человек.

Один из исследователей петровского царствования справедливо отметил, что на «20-м году царствования у Петра I не было лучшего полководца, чем воевода московской школы, и самой боеспособной частью была дворянская конница, которую Пётр не успел разгромить».

В сражении 27 июля 1709 года, вошедшем в историю как Полтавская битва, у русских было 42 тысячи человек при 102 орудиях. У шведов было 30 тысяч человек и 39 орудия. Но все шведские орудия, кроме одного, Карлу XII пришлось оставить в обозе, поскольку снарядов едва хватило лишь для одного орудия.

В.О. Ключевский писал об этом сражении:

«Пётр праздновал Полтаву, как великодушный победитель, усадил за свой обеденный стол пленных шведских генералов, пил за их здоровье, как за своих учителей, на радостях позабыл преследовать остатки разгромленной армии, был в восторге от гремевшего красным звоном панегирика, какой в виде проповеди произнёс ему в Киевском Софийском соборе префект духовной академии Феофан Прокопович (разрушитель Православной церкви). Но победа 27 июля не достигла своей цели, не ускорила мира, напротив, осложнила положение Петра и косвенно затянула войну».

Всё это случилось опять же из-за политической и дипломатической недалёковидности царя...

Иван Лукьянович Солоневич рассказал о заигрывании Петра с пленными шведскими генералами и об издевательствах над полководцем, подарившим ему победу:

«Шлиппенбах (по Пушкину – “пылкий Шлиппенбах”) переходит в русское подданство, получает генеральский чин и баронский титул и исполняет ответственные поручения Петра. А Шереметев умирает в забвении и немилости и время от времени молит Петра о выполнении его незамысловатых просьб».

Увы, Пётр относится к этим просьбам без всякого внимания. Шереметев ему не нужен. Он – русский.

Точно так же не нужны были ему и томящиеся в шведских застенках русские генералы, брошенные Петром в лапы врагу под Нарвой.

«...уверил, что он вдов и от неё имел сына...»

Но вот мы и подошли к следующему этапу повествования.

Судя по некоторым воспоминаниям современников, со временем жёсткость содержания в плену Ивана Юрьевича Трубецкого и других русских генералов была несколько ослаблена. Возможно, сыграли роль личные качества пленников.

К примеру, Трубецкой, по отзыву жены британского консула Томаса Варда леди Рондо, был «человек с здравым смыслом... нрава мягкого и миролюбивого, учтив и обаятелен...».

А Василий Александрович Нащокин в своих записках, упоминая о И.Ю. Трубецком, говорит, что, будучи «отвезён в Стокгольм со многими генералами, прижил побочного сына, который и слышит Иван Иванов сын Бецкой; он воспитан с преизрядным учением».

Настало время назвать имя главного героя повествования – Ивана Ивановича Бецкого, рождением своим обязанного именно шведскому плену его отца, в то время генерал-майора, а в будущем генерал-фельдмаршала Ивана Юрьевича Трубецкого.

Сам факт рождения волновал многих исследователей. Как, каким образом это могло случиться в плену? Высказывались разные предположения относительно того, кто была мать ребёнка.

В ряде биографических заметок называли баронессу Вреде, но Пётр Майков предлагал всё-таки не заострять внимание на матери, поскольку особого значения это не имело ни для истории, ни, как мы увидим дальше, и для самого ребёнка.

Итак, в шведском плену у русского генерала Трубецкого, представителя знаменитого рода, восходящего на дальних своих коленах к Рюриковичам, появился сын, которого отец назвал Иваном. Ну а фамилию дал, как в ту пору было принято, свою, только в усечённом виде. Отец – Трубецкой. Сын – Бецкой, поскольку сын незаконнорожденный.

Пётр Майков замечал, что трудности в определении матери усложняются деликатностью вопроса. Он писал по этому поводу:

«Конечно, до крайности трудно доказывать в настоящее время, по прошествии почти двух столетий (написано в начале XX века. – *Н.Ш.*), рождение лица именно от известной особы, вне законного брака, а потому, казалось бы, гораздо благовиднее, не бросая бездоказательного укора на то или другое семейство и не отрицая безусловно, что Иван Иванович Бецкой действительно был сын князя Ивана Юрьевича Трубецкого, признать, что мать первого в точности нам неизвестна, как это и делали, впрочем, лица, стоявшие гораздо ближе нас к Бецкому и Трубецкому и имевшие поэтому возможность получить более точные сведения о его рождении.

Оставив нам свои записки, в которых упоминается о рождении Бецкого, эти лица, вероятно, не упустили бы сообщить, кто была его мать, если бы это было им известно. Но они этого не сделали, а, следовательно, можно предполагать, что они этого обстоятельства в точности не знали, что весьма естественно».

Пётр Михайлович Майков (1833—1916) был мировым судьёй, чиновником II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Но именно история явилась главным делом всей жизни. Его труды своеобразны, но предельно точны с точки зрения историографии. Он не просто приводил тот или иной факт, размышлял над правдоподобием его, искал доказательства, подтверждающие его выводы.

Нельзя не согласиться с такими вот размышлениями:

«Подобные, незаконные рождения, являясь, по общепринятому воззрению, позором не только для отдельного лица, но и всего семейства, обыкновенно тщательно скрываются и ни в каком случае не разглашаются. Помимо этого роман в данном случае происходил, можно сказать, за тридевять земель; вспомнив состояние сообщений и сношений одного государства с другим в то время, можно допустить, что о нём могли даже “совсем не знать в другом государ-

стве”... Так... современник Бецкого, знаменитый князь Щербатов, в своём известном рассуждении “О повреждении нравов” указывает, что князь И.Ю. Трубецкой, быв пленен шведами, имел любовницу, сказывают благородную женщину (выражение, прибавим мы от себя, собственно говоря, ничего не означающее в точности), его высшее дворянство, которое, по моему мнению, так прекрасно и так образовано, как ни при каком другом европейском дворе. Всего боле нас изумило то, что в стране столь неприятной, столь каменистой, являющейся отброском природы, можно было встретить двор столь приятный и вежливый».

Это было в Стокгольме, где Трубецкой встретил такую женщину и «уверил, что он вдов и от неё имел сына, которого именовал Бецким и сей ещё при Петре Великом, почтён был благородным и в офицерских чинах и т.д.)».

«Не оскорбилась связью мужа с иноземною особою...»

В словаре Бантыш-Каменского сказано, что Бецкой родился 3 февраля 1704 года в Стокгольме (причём ни один из его родителей вовсе не назван), продолжал учение в доме отца своего, поступил в Коллегию иностранных дел и т.д. и только из дальнейшего изложения можно заключить (Бантыш-Каменский сам и этого не говорит прямо), что отцом Бецкого был князь Ив. Ю. Трубецкой.

А вот размышление об этих всех фактах, принадлежащее перу Петра Майкова:

«Бецкой был рождён в стране иноземной, в которой и провёл, вместе с своим отцом, первые годы детства. Каких-либо сведений об этом времени жизни Бецкого нам не удалось найти; да едва ли возможно предполагать их существование. О ребёнке, ничем не отличавшемся от множества других, ему подобных, нечего и говорить, тем более нечего записывать. Упомянем только, что после его рождения прибыла в Стокгольм к своему супругу княгиня Трубецкая, урождённая Нарышкина, вместе с двумя её дочерьми, которая... не только не оскорбилась связью своего мужа с иноземною особою, но усыновила мальчика и не делала никакого различия между ним и собственными детьми».

Откинув из этих слов всё излишнее, напоминающее французские романы и совсем не соответствующее ни духу того времени, ни положению русской женщины той эпохи, только что освобождённой из терема, ни характеру самого князя Трубецкого... можно «принять, что Бецкой остался в семействе своего отца (что вполне естественно) и получил первоначальное воспитание в его доме, наравне с прочими его детьми. Дети же князя Трубецкого – его дочери – получили воспитание хорошее».

В то время вельможи «не щадили ничего для образования своих детей».

Неудивительно поэтому, что и сам Бецкой, по словам Нащокина, был «воспитан с презрядным учением».

Это замечание очень важно, ибо образованность Ивана Ивановича и его воспитание, которое он постоянно демонстрировал впоследствии, привлекли к нему внимание одной особы, о которой пока лишь вскользь упомянуто в начале повествования.

Конечно, нам очень сложно представить себе, каким образом Ивану Юрьевичу Трубецкому удалось, находясь в шведском плену, воспитать сына и дать ему хорошее образование.

Пётр Майков сообщил:

«Князь Трубецкой... был разменен на фельдмаршала Реншельда, взятого в плен в Полтавском сражении, и возвратился в Россию».

В плену он находился, как известно из биографии князя, восемнадцать лет. Значит, Иван Бецкой прибыл в Россию в четырнадцати- или пятнадцатилетнем возрасте.

Уже было упомянуто, что с разрешения шведского короля к Трубецкому приезжали в Стокгольм супруга с дочерьми. Нет данных, на какое они приезжали время, но Пётр Майков, приведя «упоминания об отъезде» Трубецкого в Россию, указал, что «сознание справедливого долга одержало верх; князь покинул молодую иноземку, вернулся в Россию с сыном», причём... «Бецкой увезён в Россию и усыновлён княгиней...».

Значит, роман, плодом которого явился Иван Иванович Бецкой, не был кратковременным, значит, князь всё-таки колебался, с кем ему быть – с любимой женщиной или с женой.

Словом, кипели страсти, пылали сердца, хоть и происходило всё это, по словам Щербатова, «в стране столь неприятной, столь каменистой, являющейся отброском природы».

От рождения в плену шведском к роману парижскому

Есть ряд версий дальнейшей биографии Ивана Ивановича Бецкого. Предполагают иные биографы, что отец, дав ему отличное домашнее образование, хотел учить дальше. Причём учить военному делу. Ну а военное дело в России при Петре Первом и учёба военная оставляли желать лучшего. Каких-либо учебных заведений, кроме весьма знаменитой Навигацкой школы, не было. Отец же помнил, каковы последствия плохой подготовки солдат и командиров. Нарва осталась в памяти на всю жизнь. И он решил отдать его в Копенгагенский кадетский корпус, чтобы затем возвратить в Россию. То ли после окончания кадетского корпуса, то ли во время чего-то наподобие стажировки Бецкой на учениях упал с лошади, был изрядно изранен прошедшим над ним эскадроном. В строю лошади, которая никогда не наступит на лежащего на земле человека, очень трудно соразмерить свою поступь, вот Бецкой и пострадал.

После травмы Бецкой отправился в путешествие, намереваясь затем вернуться в Россию.

Пётр Майков, ссылаясь на других авторов, указывал что «привязанность Бецкого к отцу удерживала его при нём; он не захотел с ним разлучаться, приехал в Россию и записался в Коллегию иностранных дел, чтобы жить дома и продолжать заниматься своим окончательным образованием».

О своей учёбе в кадетском корпусе Бецкой, по словам Петра Майкова, уже значительно позже, в 1764 году, рассказал императрице Екатерине, когда представлял на утверждение свои рассуждения о воспитании, «как, будучи кадетом в Копенгагенском кадетском корпусе, ходил в караул, стоял на часах в ночное время и т. д.».

В России Бецкой был записан по обычаям того времени в военную службу, правда, записан поздно. Ведь исчисление выслуги у дворянских детей начиналось порой едва ли не с рождения. Широко известно, сколь сдерживало служебный рост Александра Васильевича Суворова то, что отец долго не считал возможным направить сына на стезю военную, полагая, что он для того слаб здоровьем. Суворов, благодаря своим удивительным подвигам, сумел догнать, а затем и перегнать записанных ранее него. Но Бецкой был направлен отцом на дипломатическое поприще.

Несмотря на то, что он состоял при отце, по словам Петра Майкова, «канцлер Остерман обращал особенное внимание на способности Бецкого неоднократно и посылал его курьером к иностранным дворам. Его познания, ловкость, деятельность много способствовали его повышению, чему также сильно содействовало и покровительство Анастасии Гессен-Гамбургской, его родной сестры по отцу».

Затем Бецкой попал в Париж, «где, по близким отношениям И.Ю. Трубецкого к В.Л. Долгорукому, и мог быть определён последним при посольстве в качестве секретаря».

А в Париже, вполне естественно, не только служба занимала его. В знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона о Бецком сообщается:

«Выйдя в отставку, он путешествовал по Европе и, между прочим, в Париже был представлен герцогине Ангальт-Цербстской – Иоганне-Елизавете (будущей матери будущей императрицы Екатерины II), которая и в то время и впоследствии относилась к нему очень милостиво...»

Путешествие ли это было или работа в посольстве, в данном случае не важно – важно, что Иоганна-Елизавета «и в то время и впоследствии относилась к нему очень милостиво». Точнее не скажешь. Издание-то особого рода, выражения в нём точны. Лишнего не говорится. Да и не всегда обязательно писать напрямую.

Мы не будем спешить с выводами и делать заключения, а лучше попробуем разобраться с теми фактами, которые ни у кого не вызывали сомнений.

Получив новое назначение состоять при отце, Иван Иванович Бецкой через некоторое время выехал в Россию, простившись с Парижем, тем более почти одновременно с ним столицу Франции покинула и Иоганна-Елизавета. Она спешно отправилась к себе на Родину, поскольку, как выяснилось впоследствии, к тому были веские причины.

Бецкой вернулся в Россию «с депешами по секретным делам». Служил при отце генерал-фельдмаршале, в чине генеральс-адъютанта. Тут нужно уточнить. На слуху у нас чин генерал-адъютант. В чём же разница? Да в том, что у государей в ту пору были генерал-адъютанты, а у крупных генералов – генеральс-адъютанты. Так именовалась, говоря языком нынешним, должность, а звание... Военское звание, к примеру, у Ивана Ивановича Бецкого при назначении было – майор, а вскоре он стал подполковником.

Ну а что касается парижских приключений, то на них обратили внимание не только авторы упомянутого выше словаря. Знаменитый журналист-историограф Н.И. Греч, по словам современников, «весьма компетентный вследствие своего тесного взаимодействия с III Отделением Его Императорского Величества канцелярии, где ему были открыты многие документы», писал:

«Немецкая принцесса происходила от русской крови. Принц Ангальт-Цербстский был комендантом в Штеттине и жил с женой в разладе. Она проводила большую часть времени за границей, в забавах и развлечениях всякого рода. Во время пребывания в Париже, в 1728 г., сделался ей известным молодой человек, бывший при прусском посольстве, Иван Иванович Бецкой, сын пленника в Швеции князя Трубецкого, прекрасный собой, умный, образованный. Вскоре, по принятии его в число гостей княгини Ангальт-Цербстской, она отправилась к своему мужу в Штеттин и там 21 апреля 1729 г. разрешилась от бремени принцессой Софией-Августой, в святом крещении Екатерина Алексеевна. Связь Бецкого с княгиней Ангальт-Цербстской была всем известна».

Долгое время этой темы никто не касался ни в литературе, ни в кино. А вот не так давно Борис Алмазов в статье «Екатерина Великая – русская?» об Иоганне-Елизавете сообщил следующее:

«Её положение и жизнь были весьма незавидны. Собственно, если можно так выразиться, она принадлежала ко второсортной аристократии. Владения её супруга герцога Христиана-Августа Ангальт-Цербст-Беренбургского, расположенные на клочке земли, некогда заселённого лужицкими славянами, нищенствовало. Иоганна-Елизавета, происходившая из другого тоже обедневшего немецкого княжеского дома Голштейн-Готторпского (тоже нищего), всегда остро чувствовала свою бедность и своё положение приживалки при европейских дворах. В двусмысленном положении находился и Бецкой, который, однако, в отличие от герцогини, в средствах стеснен не был.

Иван Иванович был пригож, статен, блестяще образован, свободно говорил на нескольких европейских языках. Ощущая себя, безусловно, русским, он по воспитанию был совершенный европеец, да и в России к этому времени почти не жил. Но как это свойственно эмигрантам, вообще людям, долго живущим вне Родины, он был горячим патриотом, видя Россию в некотором ореоле собственных мечтаний. Русский без России, незаконнорожденный княжеский сын и безвестная немецкая аристократка, понимавшая свою роль марионетки в большой политике. Не исключено, что “встретились два одиночества...”».

Борис Алмазов сделал и ещё одно удивительное заявление...

«В начале 1729 года Ивана Бецкого срочно отзывают в Россию из Парижа, а 4 марта 1729 года у Иоганны-Елизаветы родилась девочка, получившая при крещении имя София-Фредерика-Августа».

Удивительно оно из-за указанной даты – 4 марта 1729 года!

Почему 4 марта? Ведь всем известно, что София-Фредерика Ангальт-Цербстская – будущая императрица Екатерина Великая – родилась не 4 марта, а 21 апреля (2 мая) того же, 1729 года.

Интересная мысль высказана в журнале «Чудеса и приключения»:

«“Золотой век” императрицы Екатерины II таит в себе множество тайн и загадок... Однако, пожалуй, главное – это тайна происхождения самой “Северной Семирамиды”... при каких обстоятельствах появилась на свет София-Фредерика-Августа, принцесса Ангальт-Цербстская, ставшая впоследствии Российской императрицей. “Как при каких?” – спросит читатель, знающий из курса истории, что Екатерина II родилась 21 апреля 1729 года в семье наследного принца Ангальт-Цербстского герцогства Христиана-Августа и его супруги Иоганны-Елизаветы. Да, всё так: только малость не так!.. Когда София-Фредерика-Августа стала российской великой княгиней, немецкие историки перерыли все штеттинские архивы в поисках материалов о жизни её родителей в этом городе и не нашли ничего, даже метрических записей, о рождении Ангальт-Цербстской принцессы. При немецком “орднунге” (порядке) такого не может быть, потому что не может быть никогда! Однако все материалы просто-напросто исчезли. Единственной причиной этого исчезновения историки посчитали тайну рождения принцессы и были правы...»

С какой целью изымаются те или иные документы, касающиеся времени рождения младенцев, рода не простого? Ответ ясен – скрыть истинную дату рождения. К примеру, дата рождения нашего знаменитого путешественника и, что менее известно, блистательного военного разведчика генерал-майора Николая Михайловича Пржевальского была изменена Указом самого императора Николая Первого. В документах был поставлен вместо 1838-го 1839 год рождения. Это было необходимо для того, чтобы отдалить день рождения подальше от даты встречи цесаревича Александра Николаевича со смоленской красавицей Еленой Алексеевной Каретниковой, будущей матерью Пржевальского. А встреча эта произошла в Смоленске как раз за девять месяцев до рождения Николая Михайловича.

Интересно также, что к книге, хранящейся в церкви села Лабкова, где была первичная запись по поводу рождения, доступ был ограничен специальным распоряжением. Её нельзя было взять, чтобы ознакомиться с записями. Музейные работники свидетельствуют, что подлинник этой метрической книги никогда, нигде и никому публично не был представлен. В Музее Пржевальского в Смоленской области была лишь рисованная копия листа метрической книги с упомянутой записью о рождении. Но она, вполне понятно, не может служить документальным свидетельством, так как в ней не указан год заполнения, не читается месяц рождения и не понятно, какое поставлено число рождения. Подобные ограничения просто так не делаются. Следы запутывались умышленно.

Следует ещё добавить, что сам Николай Михайлович Пржевальский в письмах матери, когда это приходилось к слову, указывал годом своего рождения именно 1838-й.

Были, видимо, причины скрывать истинную дату рождения дочери Иоганны-Елизаветы. Проскочила даже информация, что будущая императрица родилась семимесячной. Словом, что-то было не то – поздновато, видно, вернулась к мужу Иоганна-Елизавета после своего парижского романа с Иваном Бецким, и необходимо было как-то завуалировать то, что родила она дочку раньше срока.

Борис Алмазов сообщает и ещё один интересный факт. Когда императрица Елизавета Петровна выбрала в невесты наследнику престола Софию-Фредерику Ангальт-Цербстскую, её, как известно, привезла в Россию мать Иоганна-Елизавета. Случилось это в 1745 году. Трудно сказать по чьей рекомендации, но «Бецкой был назначен состоять при герцогине-матери, а по отъезде её из России в 1747 г. вышел в отставку (с чином генерал-майора) и уехал в Париж».

В недавнем фильме «Екатерина Великая» авторы пошли на то, чтобы показать связь Иоганны-Елизаветы и Бецкого. Даже умудрились продемонстрировать любовные сцены, но ни

словом не обмолвились о том, что «любовники» были прекрасно знакомы с 1728 года, о чём, кстати, как мы видели, данных и в официальных словарях и в исторических работах достаточно много.

Так ведь и то, что Павел являлся не сыном великого князя Петра Фёдоровича, не способного иметь детей, а сыном камергера графа Сергея Васильевича Салтыкова, рода знатного и древнего, тоже долгое время не признавалось. А теперь это уже не секрет.

Мать «привязалась... ещё более – к камергеру Бецкому»

В годы царствования Елизаветы Петровны Иван Иванович Бецкой оказался при дворе и к его армейскому чину подполковника добавился чин камергера, который по табелю о рангах соответствовал генерал-майорскому чину. Произошло это во многом благодаря старшей единокровной его сестре, Анастасии Ивановне, принцессе Гессен-Гомбургской, к которой благоволила государыня.

Камергером он стал в 1742 году, а спустя два года, в 1744-м, вновь встретился со своей «парижской любовью» принцессой Иоганной-Елизаветой Гольштин-Готторпской. Она привезла в Россию дочь Софию-Фредерику Ангальт-Цербстскую.

Екатерина II впоследствии рассказала в своих записках, что её мать Иоганна-Елизавета «очень близко привязалась к супругам Гессен-Гомбургским и ещё более – к камергеру Бецкому».

И прибавила:

«Это очень не нравилось графине Румянцевой, маршалу Брюмеру и вообще всем».

Здесь имеется в виду мать нашего знаменитого полководца Петра Александровича Румянцева, с которой у великой княгини Екатерины Алексеевны отношения складывались трудно.

Дело в том, что императрица Елизавета Петровна поручила Марии Андреевне Румянцевой заведовать «малым двором» великой княгини Екатерины Алексеевны ещё в бытность её принцессой Ангальт-Цербстской, то есть до крещения в православную веру. Румянцева регулярно представляла подробный отчёт императрице обо всём происходящем.

Екатерина II вспоминала в своих Записках, что при «малом дворе», где остерегались Румянцевой, заметили, сколь подозрительно она относится и к ней, и к её матери. Обратили внимание и на то, что даже во время маскарадов «у старой графини Румянцевой... частые беседы с Императрицей, и что последняя была очень холодна с матерью, и легко было догадаться, что Румянцева вооружала Императрицу против матери и внушала ей ту злобу, которую сама питала...».

Здесь надо добавить, что, несмотря на все достаточно хорошо памятные Екатерине II притеснения со стороны Румянцевой, несмотря на постоянные доклады, которая та делала Елизавете Петровне, она, став императрицей, не только не вспоминала о том, не только простила графиню, но даже сделала её гофмейстериной.

Конечно, в большой степени это было воздаянием за великие заслуги её сына, блистательного полководца Петра Александровича Румянцева-Задунайского. А по случаю Кючук-Кайнарджийского мирного договора, завершившего победоносную «Румянцевскую», как её называли историки, войну, пожаловала орден Св. Екатерины.

Между тем Ивану Ивановичу Бецкому пришлось принимать важное решение относительно «контактов» при «малом дворе».

Своим уникальным по тем временам воспитанием и отличным образованием Бецкой раздражал многих. Он прекрасно говорил на французском и немецком языках, хорошо разбирался в европейской литературе, имел обширные познания во многих науках. Пётр Фёдорович и Екатерина Алексеевна предпочитали его обществу обществу других, менее интересных придворных. Ведь «малый двор» сверх меры наводнён был немцами, или так называемыми «немцами». Наверняка Бецкой опасался и того, что проницательная Румянцева раскроет его главную тайну – тайну отношений с матерью великой княгини. Ну а каковы могут быть последствия, вполне предсказуемо.

Графиня Румянцева слишком пристально наблюдала за отношениями Ивана Ивановича с Иоганной Елизаветой. В 1747 году Бецкой, хоть и оставался камергером, старался как можно реже бывать при «малом дворе», а потом и вовсе отправился в путешествие за границу.

Впрочем, вскоре после бракосочетания наследника престола Петра Фёдоровича с Екатериной Алексеевной, «малому двору» удалось освободиться от опеки Румянцевой.

Путешествие Бецкого продолжалось около 15 лет. Время даром Иван Иванович не терял, продолжал образование, общался с передовыми (с точки зрения разрушительности государственности) людьми того времени, выпестовавшими моральные основы великой в своей кровавости и бесстыдности французской революции. В то же время он познакомился с различными воспитательными теориями. В последующем это пригодилось. Ведь изучение чьего бы то ни было опыта, пусть даже и вредного, порой оборачивается созданием своей уже теории, полезной и необходимой. Словом, как он сам вспоминал впоследствии, ехал, чтобы «ничего не пропустить из пространной живой книги природы и всего виденного, выразительнее всяких книг научающей почерпнуть все важные сведения к большому образованию сердца и ума».

Почему же Бецкой всё-таки решил отправиться в путешествие? Что это было за путешествие? На этот вопрос помогут ответить некоторые, не слишком афишируемые сведения о том, чем занимался в шведском плену его отец Иван Романович Трубецкой. Постепенно, за 18 лет пребывания в Швеции, он сумел завести важные связи и, будучи человеком обаятельным, интересным собеседником, приятным в общении, сделаться чем-то вроде резидента русской разведки.

Ну а сын? Не пошёл ли он по стопам отца, ведь недаром почти постоянно был рядом и, не прерывая службы в чине генеральс-адыютанта, одновременно служил и по дипломатической части. Хорошо известно, что человек, однажды соединивший свою судьбу с деятельностью спецслужб, как правило, остаётся в рядах спецслужб навсегда. Быть может, отец способствовал отправке Иван Ивановича в эту поездку не ради самой поездки, не ради образования и тем более не ради развлечений? Мы не можем исключить и такого поворота дел. С этой точки зрения объясним и отъезд Бецкого за границу в более поздние времена.

Был и ещё один момент, который нельзя сбрасывать со счёта. Престол русских царей был в ту пору очень непрочен. Известно о нескольких заговорах против императрицы Елизаветы. А тут ещё и наследник престола, выбранный ею, весьма сомнителен. Да и выбор императрицей невесты не всех устраивал. Наверняка не укрылось от глаз тех, кому такая информация нужна, каковы отношения между Бецким и матерью новоиспечённой великой княгини. Старая любовь не забывается. От пристального заинтересованного взора отношения с любимой женщиной, пусть и любимой в прошлом, скрыть трудно.

Тем более в те времена, когда постоянно тревожил всех вопрос о престолонаследии. Уже проскальзывали сведения о том, что великий князь Пётр Фёдорович не способен иметь детей.

Живя в России, Бецкому сложно было скрыть отцовские чувства к дочери, положение которой при дворе осложнялось год от года. Да и Екатерине нелегко было бы скрывать дочерние чувства, особенно в период, когда её буквально душило одиночество.

Ну а информация о том, что Екатерина Алексеевна вовсе не дочь своего официального отца, а дочь сына русского князя, да к тому же сына незаконнорожденного, могла вызвать целую бурю негодований и позволила бы планировать самые различные политические ходы с целью ослабления России.

«Вашего Императорского Величества Иван Бецкой»

15 лет о Бецком на официальном уровне не вспоминали. И вдруг последовал вызов в Петербург. Это случилось в начале царствования императора Петра III. Но прибыл Бецкой в Петербург не сразу, а лишь весной 1762 года. Император Пётр III произвёл его в генерал-поручики и назначил главным директором канцелярии строений.

Кстати, отец Бецкого вскоре после возвращения из шведского плена тоже получил чин генерал-поручика.

Борис Алмазов в материале «Екатерина Великая – русская?» рассказал:

«Возвращаясь из Москвы в Петербург, после коронации, И.И. Бецкой ехал в третьей за государями карете – знак, говорящий о положении ближайшем к престолу».

Здесь автор не указывает, после какой коронации, хотя из текста можно понять, что он имеет в виду коронацию Петра Третьего. Но в других материалах говорится прямо: после коронации Петра Третьего. И опять же уточнено – «в третьей за государями карете». Но ведь Пётр Третий так и не успел короноваться. Тут авторы явно напутали. Вернее, напутал кто-то один, а остальные добросовестно переписали.

Полагаю, что факт такой имел место. С какого-то торжества Бецкой, видимо, действительно возвращался в карете, которая следовала за каретами первых лиц России. Возможно, даже это случилось после коронации самой Екатерины Алексеевны. Но никак не Петра Третьего. Несмотря на то что даже Фридрих через своих дипломатов торопил Петра Фёдоровича с этим важным обрядом, тот не спешил, видимо презирая вкупе с другими и эту русскую традицию. Не спешил, да так и не успел короноваться.

В апреле 1762 года Екатерине Алексеевне подошёл срок родить ребёнка от Григория Орлова. Вспомним недавно показанный по второму каналу телевидения сериал «Великая». Вспомним, как представлены там события, связанные с родами, скрыть которые было невозможно, а реакция Петра III, теперь уже не великого князя, зависимого от императрицы Елизаветы Петровны, а полновластного правителя, могла быть самой жёсткой.

В кинофильме показано, что Екатерину Алексеевну спас вымышленный герой фильма Залесский, который, зная, как любил Пётр Фёдорович наблюдать за городскими пожарами, пожертвовал своим домом. Он срочно увёз семью в безопасное место и поджёг дом. Казалося бы, удачный сюжетный ход авторов фильма. На самом деле это вовсе не вымысел. Просто авторы изменили фамилию героя.

У Екатерины Алексеевны был верный и надёжный гардеробмейстер Василий Шкурин. Он-то и запалил свой дом в самые критические часы, когда скрыть роды во дворце по вполне понятным причинам, им сопутствующим, было невозможно. Шкурин поспешил сообщить о пожаре императору, а тот, забрав с собой свиту, бросился любоваться зрелищем.

Едва ребёнок родился, Шкурин тут же увёз его из дворца. Случившееся удалось скрыть от императора.

Пётр Майков так рассказывает о детстве и юности мальчика:

«Молодой человек, известный со временем под именем Алексея Григорьевича Бобринского, отцом которого был князь Григорий Григорьевич Орлов, родился 11 апреля 1762 года и немедленно по рождении был отдан Императрицею Екатериной на воспитание её гардеробмейстеру Василию Григорьевичу Шкурину, у которого и проживал вместе с его сыновьями до 1775 года.

...С разрешения императрицы этот ребёнок, считавшийся сыном Шкурина, был отправлен учиться за границу вместе с двумя сыновьями последнего и с двумя сыновьями А.В. Олсуфьева, а также двумя сыновьями Зиновьева».

Генерал-майор Николай Николаевич Зиновьев был назначен императрицей Екатериной комендантом Петропавловской крепости. С его сыновьями, а главное, с дочерью, красавицей Зинаидой Николаевной, мы ещё встретимся в повествовании, посвящённом любовной драме отца Алексея Бобринского – Григория Григорьевича Орлова...

Ну а теперь пора коснуться событий дальнейших. 28 июня 1762 года произошёл переворот, в результате которого на престол взошла Екатерина Алексеевна.

Иван Иванович Бецкой, возможно, и не подозревал о заговоре, поскольку Екатерина Алексеевна просто не хотела подвергать его риску, ведь она наверняка планировала поручить ему весьма важное семейное дело. Но об этом несколько позже.

А пока, уже вскоре после переворота, императрица привлекла Ивана Ивановича к деятельности по совершенствованию образования и воспитания в России.

В Википедии сообщается:

«Указом 3 марта 1763 года на него было возложено управление, а в 1764-м он был назначен президентом Академии художеств, при которой он устроил воспитательное училище.

1 сентября 1763 года был обнародован манифест об учреждении московского воспитательного дома по плану, составленному, согласно одним данным, самим Бецким, согласно другим – профессором Московского университета А.А. Барсовым, по указаниям Бецкого. По мысли Бецкого, в Петербурге было открыто “воспитательное общество благородных девиц” (впоследствии Смольный институт), вверенное его главному попечению и руководству».

Но важнейшее дело было ещё впереди...

7 мая 1765 года состоялся Указ императрицы:

«Понеже Мы вознамерились Шляхетный Кадетский Сухопутный корпус под Нашим собственным распоряжением учредить на таком основании, чтобы при производимом в нём обучении благородного юношества ближайшее соответствовало воспитание одного с тем намерением, для которого сие училище в Империи установлено, то Мы для того определили к сему делу наших генерал-поручика Бецкого и генерал-майора Философова. А между тем до будущего о сём корпусе впредь определения повелеваем оному быть под Нашим единственным ведением и принимать по сему делу словесные Наши указы от них Бецкого и Философова...»

Иван Иванович Бецкой выполнял самые ответственные поручения императрицы. Переписка между ним и государыней была довольно активной, и вот тут Борис Алмазов указывает на весьма важную деталь. Бецкой подписывал официальные бумаги «без принятых в ту пору куртуазных словооборотов: “Ваш верноподданный” или “слуга” или “раб”, а весьма странно: “Вашего Императорского Величества Иван Бецкой”. Это вопиющее нарушение этикета чопорного XVIII века».

Бецкому «За любовь кь Отечеству»

В знаменитом екатерининском «Наказе» «Комиссии о сочинении нового Уложения» нашли основательное отражение вопросы образования и воспитания, причём именно в таком контексте: «образование и воспитание», а не только одно лишь образование, как при Петре I, решавшем, как отмечено в книге «Три века», лишь профессиональные «узкопрактические задачи».

Императрица Екатерина сумела понять и осознать, что образование без воспитания не способно приуготовить достойных граждан. Она в своё время увидела то, что в XX веке чётко и обстоятельно выразил великий русский философ И.А. Ильин на основании уже солидного опыта русской школы:

«Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно даёт в его распоряжение жизненно-выгодные возможности, технические умения, которыми он, – бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, – и начинает злоупотреблять».

Из этого философ вывел, что “безграмотный”, но добропорядочный крестьянин лучше “образованного” негодяя.

Всё это поняла императрица Екатерина, глубоко проанализировав положение дел в принятой ею в управление державе, и недаром в книге «Три века» (статья «Школа Екатерининской эпохи», автор И.М. Соловьёв) относительно «золотого века Екатерины» сказано:

«Можно говорить о целом педагогическом движении, начатом сверху и вовлекшем в себя не только таких передовых людей, как Бецкой, Фонвизин, но и некоторые общественные круги... И прежде всего сама императрица проявила исключительный интерес к вопросам воспитания... Ученица Локка и Монтескье, Екатерина вслед за ними могла задуматься над многими проблемами педагогики, особенно когда на её долю выпала ответственная задача – решать судьбы Русской школы... Исходным пунктом всех планов и проектов 1760—70 годов служит самое понятие воспитания, о котором почти совсем не думали при Петре».

Не правда ли, знакомая картина, только с точностью наоборот. Если императрица Екатерина II сумела сделать шаг вперёд по отношению к Петру I и его ближайшим преемникам, то школа Российской Федерации, вляпавшейся в демократию, откатилась далеко назад по сравнению со школой советских времён. В советское время вопросы образования и воспитания решались в диалектическом единстве. В эпоху ельцинизма воспитание было отброшено полностью как ненужное и заменено нарочитым развращением подрастающего поколения. Отсюда, несмотря на падение престижа военной службы, до астрономических показателей выросли конкурсы в суворовские военные училища, где всё ещё сохранялась советская система образования и воспитания, дававшая России не только подлинных мастеров своего дела, но и добросовестных, честных, преданных отечеству граждан.

Как верно сказано в книге «Проект России. Выбор пути»: «Солдат, которого научили обращаться с оружием, но не сказали, куда стрелять, будет стрелять, куда ему выгоднее. Если учитель не даёт ребёнку шкалу ценностей, её даёт рынок».

Особенно славилась при императрице Екатерине военная школа. Однажды во время Русско-турецкой войны 1768—1774 годов Пётр Александрович Румянцев попросил императрицу прислать на пополнение его армии выпускников Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Вскоре в армию прибыли двенадцать молодых офицеров. Румянцев побеседовал с каждым из них лично и настолько остался доволен их подготовкой, что тут же написал государыне, благодаря её за присылку, как он выразился, вместо двенадцати поручиков, двенадцати фельдмаршалов.

Не случайно образование в кадетских корпусах России (что и унаследовали советские суворовские военные училища) было традиционно выше, нежели в любых других учебных заведениях. Это случилось по той совершенно определённой причине, что совершенствованием в них образования, неотделимого от воспитания, занималась лично императрица Екатерина. Она поставила перед собой нелёгкую задачу: создать в империи такие воспитательные (именно воспитательные, а не просто образовательные) учебные заведения, в стенах которых обучаемые с ранних лет проходили подготовку под руководством наиболее грамотных, добропорядочных и благочестивых наставников. В то же время оставалось более чем основательным и влияние семьи, ибо учащимся предоставлялись отпуска, которые они проводили дома.

В 1766 году начальником Сухопутного кадетского корпуса был назначен тайный советник генерал-поручик граф Иван Иванович Бецкой. Он возглавлял корпус 21 год, вплоть до 1787 года, одновременно оказывая неоценимую помощь императрице в вопросах образования и воспитания в России в целом.

Иван Иванович Бецкой оставил заметный след в основополагающих документах, касающихся дела образования и воспитания в России. И труд его был щедро отмечен, причём, по мнению некоторых биографов, отмечен даже чрезмерно...

Во-первых, в 1772 году в честь него была выбита настольная медаль, на которой изображён портрет самого Бецкого с орденом Св. Андрея Первозванного на груди и сделана надпись: «Иванъ Ивановичъ Бецкой». Это на лицевой стороне. А на обороте изображены два ребёнка, которые, стоя на пьедестале у пирамидального обелиска, держали овальный щит с вензелем Ивана Ивановича. Там же, у обелиска, было выбито аллегорическое изображение России – женщина с двумя детьми, рядом с которой – аист и слон. Аист – символ заботы и милосердия, ну а слон – доброты и широты души. На втором плане оборотной стороны медали помещено изображение фасада Московского Воспитательного Дома с надписью: «За любовь къ Отечеству». И ниже: «Отъ Сената 20 ноября 1772 Года».

Разумеется, Бецкой заслужил награду, но случаев, когда подобные медали выбивались кому-либо при жизни, до того времени не встречались.

Здесь напрашивается такая аналогия. В 1891 году Российское Географическое общество учредило Большую серебряную медаль имени Н.М. Пржевальского.

Но в годы революции все награды, которые напоминали о Российской империи, были отменены. Однако вскоре после окончания войны 29 августа 1946 года постановлением Совета Министров СССР была вновь учреждена Золотая медаль имени Н.М. Пржевальского. А у Сталина в кабинете в числе других появился портрет Николая Михайловича Пржевальского...

«Входя в комнату... Государыня целовала у него руку»

Личная жизнь Ивана Ивановича Бецкого в те годы сокрыта тайной. Правда, известно доподлинно, что у него была законнорожденная дочь.

И ещё один любопытный факт. У Ивана Ивановича Бецкого была незаконнорожденная дочь Анастасия Ивановна. Фамилию ей дали – Соколова. И, видимо, не случайно. Когда Екатерина жаловала её в свои камер-фрейлины, рядом с нею был Григорий Орлов. Ну а сестра, пусть сестра будет роду соколиного – Соколова?

Анастасия Соколова была выдана замуж за Осипа Дерибаса, о котором ещё будет повод поговорить на последующих страницах. А пока хотелось бы обратить внимание на такой факт. Было это в 1779 году. Императрице Екатерине доложили, что у Анастасии Дерибас начались предродовые схватки, и она собралась к ней столь стремительно, что ей даже не успели подать к подъезду императорский выезд. Недолго думая, государыня отправилась в путь на первой попавшейся карете. Успела вовремя и приняла роды, как простая повивальная бабка.

Можно ещё добавить, что она крестила обеих дочерей Анастасии – внушек Ивана Ивановича Бецкого.

В истории немало таких фактов, документального подтверждения которых просто быть не может и за давностью лет, да и по причине того, что в своё время скрывать правду было крайне необходимо.

Вот ещё одна аналогия. Когда у внучки Сталина спросили – это было в печати, – как она относится к версии, что Николай Михайлович Пржевальский является отцом Иосифа Виссарионовича, она ответила загадочно. Мол, ей известно о том, что её прабабушка была знакома с Пржевальским, известно и о том, что Николай Михайлович вплоть до своей смерти посылал ей деньги на воспитание сына, тоже ей известно, но добавила: «Но это ни о чём не говорит!»

Императрица Екатерина очень часто посещала Ивана Ивановича Бецкого, а над документами по совершенствованию вопросов образования в России они порою работали вместе.

Ну и ещё одно весьма важное свидетельство.

Русский историк-археолог и библиограф Пётр Бартенев писал об этих посещениях следующее:

«У Бецкого был секретарём швед Марко Иванович Хозиков... он один мог оставаться при Бецком в то время, когда посещала его Екатерина, и у внуков Хозикова сохранилось вполне определённое семейное предание, что входя в комнату к Ивану Ивановичу, Государыня целовала у него руку».

Полагаю, что каждому ясно, кому могла целовать руку государыня.

Императрица активно участвовала и в составлении учебной программы для кадетского корпуса. В Указе Сената с её слов было записано, что «корпус, по силе изданных об нём узаконений, включает в себе не одно военное и политическое, а и гражданское училище», что директор его «без посредства других мест, прямо под повелительством Высочайшей Императорской особы и Правительствующего Сената состоит, и ни от каких других правительства мест повелений принимать ему не следует».

В «Наказе» «Комиссии о сочинении нового уложения» императрица писала: «Правила воспитания – суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами», которым с ранних лет должно быть привито «утверждать сердце в похвальных склонностях», дабы соответствовать «всем тем добродетелям качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию, которыми в своё время могут они быть прямыми гражданами, полезными обществу членами и служить оному крашением».

Екатерина Великая не уставала повторять:

«Когда добродетель и добронравие вкоренятся в душах детей, всё прочее придёт ко времени».

Эти мысли мы находим воплощёнными в художественные произведения екатерининского времени. Так один из героев Фонвизинского «Недоросля», Стародум, говорит: «Ум, коль он только ум – самая безделица. Прямую цену уму даёт благонравие: без него умный человек – чудовище. Просвещение возвышает одну добродетельную душу».

И действительно, разве самые известные враги России, такие как, скажем, Батый и Мамай, Наполеон и Гитлер, были глупы? Разве глупыми были их полководцы? К примеру, начальник главного штаба бандармии Наполеона маршал Бертье был признанным талантливым полководцем. У Гитлера было немало грамотных генералов... Но это были слуги зла, они были лишены христианских добродетелей, а потому вспоминаются лишь с ненавистью и презрением.

Были образованными людьми и те, кто вышел 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь. Но они были, по справедливо применимому здесь определению Стародума, чудовищами. Пустое, не пополненное правильным воспитанием образование привело к тому, что они послушно выступили против Православного Самодержавия – праведной власти, заповеданной России Самим Всевышним. Но все эти молодчики, желавшие крови царя, получали образование в страшное время «дней Александровых... начала». Нет, далеко не прекрасного начала, ибо это начало привело к драматическому для России концу.

Если при императрице Екатерине, по словам Безбородко, ни одна пушка в Европе пальнуть не смела без её на то ведома, то в результате нерадивого правления внука Великой Государыни пушки палили без ведома царя, в самом центре России.

Да, далеко не всё, что императрица Екатерина Великая понимала и осознавала, не всё то, что пыталась сделать, удалось до логического завершения. Ведь ей противостояли хорошо организованные и мобилизованные на борьбу против России силы зла, те силы, центр управления которыми хоть и находился за рубежом, но имел в России своих сатрапов в основном из числа обезумевшей от своих «многомятежных человеческих хотений» знати.

Главной задачей любой школы – военной ли, гражданской ли, – было, по мнению императрицы, «приуготовление к более совершенной жизни», она была убеждена, что обучение и воспитание сможет «исправлять сердца и нравы народа», но понимала, что в семьях не достаёт для того культуры. Причина была предельно ясна – с петровских времён в Россию нахлынули иноземцы, которые только за то, что они прибыли из Европы, получали места учителей и офицеров в Русской армии, даже малейшего представления не имея об этих профессиях. Каковы эти иностранные учителя императрица не только знала, но и высмеивала как их, так и дворян, их нанимающих, в своих произведениях.

Героиня одной из её комедий, госпожа Вестникова, говорит о французе-учителе:

«Ужас, как мне хочется выгнать эту харю из дома! Да уж и обещали мне достать какого-то другого учителя, который где-то был прежде скороходом; а этот пусть себе по-прежнему опять пойдёт в кучера к кому-нибудь».

«Это воспитание, – писала императрица о подобных экспериментах дворян, – есть не что иное, как грязный ручей, когда сделается он потоком».

Опыт обучения и воспитания в кадетских корпусах удался, и императрица всячески стремилась распространить его на другие специальные учебные заведения. В мае 1764 года был утверждён устав воспитательного общества благородных девиц при Смольном монастыре, спустя полгода образовано воспитательное училище при Академии художеств. В 1765 году императрица основала воспитательное отделение при Академии наук и училище при Воскресенском Новодевичьем монастыре для мещанских девиц.

«Пусть вытечет вся немецкая кровь и останется русская»

Когда был утверждён новый Устав Сухопутного шляхетского кадетского корпуса и составлен генеральный план Московского воспитательного дома, остро встал вопрос об учителях и воспитателях. Императрица стремилась отсечь всякую возможность проникновения в эти учебные заведения иностранцев. Она стремилась поручить это важнейшее для государства дело природным русским, но где было взять столько учителей?

По словам Бартенева, вот что однажды сказала Екатерина во время назначенного ей врачами кровопускания:

«Пусть из меня вытечет вся немецкая кровь и останется одна русская».

Это ли не намёк на то, что отцом её был русский и пусть незаконнорожденный, но сын русского князя, род которого восходил к Рюриковичам.

Императрица писала о природных русских:

«Русский народ – есть особенный народ в целом свете. Он отличается избирательным умом, великою силою. Я знаю это по двадцатилетнему опыту. Бог дал русским особые свойства... Верю, взойдёт звезда Востока, откуда должен воссиять свет, ибо там (в России) больше, чем где-нибудь хранится под пеплом духа, мощи и силы».

Иван Иванович Бецкой тоже заботился о поиске преподавательских кадров:

«Если найдутся подобные учителя, – писала он, – то об успехах сомневаться не можно; буде же, по несчастию, таких людей не достанем, тщетны будут все предписания и все старания о произведении благонравия и успехов».

С.М. Соловьёв отметил: «Школы (создаваемые императрицей. – *Н.Ш.*) носили характер не профессиональный, а общеобразовательный характер. Но они были резко сословны; благородное сословие дворянское совершенно обособлялось от мещанского, а крепостная масса и совсем отстранялась от школы. Если дворянам старались привить “светские добродетели” и развивать в них “благородство”, то мещан, прежде всего, хотели приучить к труду и укрепить в них добронравие. Организуя первые школы, Екатерина выступала энергичной защитницей женского образования; до той поры образование девушки всецело оставалось в пределах семьи. Существовали кое-где частные пансионы, но настоящих школ не было. Известно, как неохотно отдавали на первых порах дворянских детей в Смольный институт и какие энергичные меры при этом применялись».

Для выбора лучшего способа исполнения своих грандиозных замыслов императрица образовала комиссию из пяти высших сановников, представившую уже в 1766 году «генеральный план гимназий, или государственных училищ».

Среди членов комиссии был граф Теплов, который уже имел опыт управления Академией наук. Он управлял ею в период, когда императрицей Елизаветой Петровной президентом Академии был назначен восемнадцатилетний Кирилл Разумовский, младший брат знаменитого Алексея Разумовского. Комиссия предложила устроить четыре различных типа школ:

- 1) училища для учёных людей;
- 2) военные школы, к коим относились кадетские корпуса;
- 3) гражданские;
- 4) купеческие.

Кроме того, комиссия постановила:

«Во всех городах и местечках российских для общего всему находящемуся там юношеству обучения учредить одну или, смотря по пространству места, и больше публичных школ для простого народа».

Вполне естественно, комиссия предлагала то, что сама императрица на мысли имела, поскольку она сделала ей своеобразный наказ. Одной из главных была задача сделать обра-

зование обязательным. Императрица даже полагала необходимым штрафовать тех родителей, которые будут уклоняться от обучения детей, поскольку «школа является отнюдь не привилегией благородного дворянства, но в ней нуждаются широкие массы».

Но успех пришёл не сразу. Страна ещё не была готова к выполнению столь грандиозных замыслов. Лишь во вторую половину своего царствования, когда уже позади были и Русско-турецкая война 1768—1774 годов, и восстание Пугачёва, когда Россия добилась грандиозных успехов на юге, удалось решать вопросы образования и воспитания более действенно.

7 сентября 1782 года императрица учредила «Комиссию об устройстве училищ», которой был составлен «План к установлению народных училищ в Российской Империи». Было признано необходимым создать малые «двухклассные», средние «трёхклассные» и «главные» школы, которые позднее преобразовали в два типа – малые двухклассные и главные.

По-прежнему была острая нехватка учителей, поскольку лишь в одном главном Петербургском училище была создана учительская семинария, которая не могла обеспечить потребности всех школ в учителях.

И всё-таки неусыпными стараниями императрицы дело сдвинулось с места. В 80-е годы были созданы главные училища во всех губерниях. Это были общеобразовательные училища, причем бессловесные, в которых могли учиться даже крепостные.

В главных училищах изучались всеобщая и русская история, естествознание, основания геометрии, механики, физики и гражданской архитектуры, иностранные языки, в числе которых обязательно был латинский и ещё один, так называемый «соседственный». Преподавались и основы государственные – «Книга о должностях человека и гражданина».

Трудностей оказалось немало. Направляемые периодически в губернии комиссии выявили, к примеру, что многие учащиеся, получив самый минимум знания в первых двух классах, уходят из школы, стремясь начать службу. В одном из отчётов значилось: «Здесь обитатели, мало соревнуя предположенной цели просвещения, неохотно отдают детей своих в училища... Многие лучше хотят их заблаговременно приучать к познаниям в домашних делах и для купечества и мещанства нужностях, в которых они сами обращаются».

Но императрица была непреклонна. Шаг за шагом вводила она единую систему народного образования и воспитания, способную просветить население России и приспособить его к насущным нуждам государства.

Было усовершенствовано при ней и преподавание в Московском университете, основанном в 1755 году императрицей Елизаветой Петровной. Основателем университета, «по официальной традиции XVIII века», считался граф И.И. Шувалов.

Ставя во главу угла своей деятельности образование и воспитание народа, императрица даже в составленных для себя «Правилах управления» поставила этот важнейший род деятельности на первое место. Пояснив следующее:

«Если государственный человек ошибается, если он рассуждает плохо, или принимает ошибочные меры, целый народ испытывает пагубные следствия этого. Нужно часто себя спрашивать: справедливо ли это начинание? – полезно ли?»

И далее указывает «Пять предметов»:

«1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.

2. Нужно вести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставлять его соблюдать законы.

3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.

4. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.

5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.

Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании долга своего перед Высшим Существом, перед собой, перед обществом и нужно ему преподавать некоторые искусства, без которых он почти не может обойти в повседневной жизни».

Как видим, главное в этих правилах именно просвещение и воспитание в их неразрывной связи.

Ну и, конечно, все деяния государыни, изложенные выше, не могли быть осуществленными без опоры на ту государственную структуру, которая обеспечивала мирную жизнь державы. У России слишком много было врагов, чтобы можно было бы забывать о вооружённых силах.

Не случайно в одной из старых книг есть мудрые и прозорливые размышления о роли вооружённых сил в жизни и успехах государства:

«Все большие расы были расами воинственными, и та, которая теряет твёрдые воинские доблести, напрасно будет преуспевать в торговле, финансах, в науках, искусствах и в чём бы то ни было; она потеряла всякое своё значение, потому что в жизни народа первое место должны занимать войска, а следовательно, и военная наука, которая есть искусство воевать и готовиться к войне...»

А готовность к войне была необходима. Европейские тёмные силы были напуганы возвышением России, а тут ещё Екатерининская «Уложенная» комиссия, столь напоминающая Соборы Иоанна Грозного. Запад во все времена трепетал перед Русской Соборностью, которая исключала всякую возможность даже малейшего вмешательства через своих агентов во внутренние дела России, а тем более воздействия на эти дела.

Сами воевать боялись. Для этого уже давно была приспособлена цепная собака европейской политики – Османская империя. Её и принудили к войне с Россией.

Война была объявлена осенью 1768 года. Она известна была в дореволюционной истории как «Первая турецкая война в царствование Императрицы Екатерины II». Ну а официально зовётся ныне Русско-турецкой войной 1768—1774 годов.

Вот тогда-то и сумели показать себя в победоносных схватках с врагом воспитанники Ивана Ивановича Бецкого.

Бобринский – сын Екатерины II и внук Бецкого

Пётр Маков в книге «Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии», завершая главу, посвящённую кадетскому корпусу, писал:

«В заключение сей главы не лишнее сказать несколько слов об одном из бывших воспитанников сухопутного Кадетского Корпуса, о графе Алексее Григорьевиче Бобринском, находившемся в исключительных отношениях к Бецкому, немало о нём заботившемся».

Майков не указал, по какой причине упомянул именно об «исключительных отношениях» и особых заботах Бецкого о Бобринском. Но само упоминание говорит о том, что и ему была известна тайна рождения не только самого Алексея Бобринского, но и императрицы Екатерины, да только он не счёл нужным раскрывать её в своём фундаментальном труде.

Далее сообщил:

«Молодой человек рос в семействе Шкурина, не имея точного определённого прозвища или фамилии. Только позднее уже, именно в апреле 1775 года, было окончательно решено Императрицею Екатериною, что молодой человек будет называться Алексей Григорьевич Бобринский, по имени села Спасского, Бобрики тоже, Епифановского уезда, купленного у Ладыженского в 1763 г. для материального обеспечения новорожденного...»

Получаемые с имений доходы доставлялись к Бецкому, который заботился уже о помещении этих денег на проценты, уведомляя о том всякий раз Её Величество.

То есть императрица приобрела для него из своих личных средств имения, которые и должны были обеспечить ему нормальную жизнь.

Пётр Майков указал: «Бецкой, получая деньги, отдавал их в воспитательный дом на приращение процентами... Что же касается самого Бобринского, то из переписки Бецкого с Императрицей Екатериною II видно, что по Её приказанию ребёнок был в 1775 году взят от Шкурина и передан Бецкому, в доме которого и проживал некоторое время. Бецкой очень внимательно и сочувственно отнёсся к ребёнку, наблюдал за ним и сообщал Императрице свои замечания о характере, наклонностях и степени развития ребенка, из которых видно, что молодой Бобринский был слабого телосложения, застенчив, боязлив, робок, рассеян, нечувствителен ни к чему, но кроток, послушен и достоин любви. Хотя ему было уже 13 лет, но все его познания ограничивались только французским и немецким языками, немногим из арифметики и очень малым из географии. Он обладал большою проницательностью и очень живым понятием. Сделав описание его характера, Бецкой замечал, что у Бобринского всё худое является следствием дурного воспитания, ему данного; в нём задушили хорошие побуждения его органов, чтобы сделать машину обыденного послушания».

Это были камешки вовсе не в огород Шкурина, самоотверженно, с несомненным риском для себя, обеспечившего и безопасность родов и укрытие младенцу, а указание на вредоносность европейского воспитания, которое как раз и преследовало целью из обучаемого «сделать машину обыденного послушания». Бецкой знал то, о чём говорил...

Императрица недолго размышляла, кому лучше всего отдать на воспитание ребёнка, если нет никакой возможности воспитывать его самой. Разумеется, его деду. Так вот дедом Бобринского был Иван Иванович Бецкой.

После того как Алексей Бобринский был определён в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, Иван Иванович продолжал следить за его учёбой и поведением.

А в кадетском корпусе, как сообщает Пётр Майков, он «находился под особенным наблюдением Рибаса, служившего в то время в этом учебном заведении...».

Рибас... Кто он? Да, это именно тот самый Хосе де Рибас, испанский дворянин, после перехода на русскую службу ставший Осипом Михайловичем Дерibasом. Он широко известен как основатель Одессы, где и поныне стоит ему памятник.

Ну а успехами на русской службе он в значительной мере обязан, прежде всего, знакомством и дружбой с Алексеем Бобринским и родством с Иваном Ивановичем Бецким, хотя и достойных личных качеств, и мужества ему и самому было не занимать.

Волонтером он попросился на службу к Алексею Григорьевичу Орлову и 26 июня (7 июля) 1770 года участвовал в сожжении турецкого флота при Чесме, добровольно вызвавшись идти в бухту на одном из четырёх брандеров. Это был чрезвычайно опасный рейд. По существу, после взрыва нашего флагмана «Святого Евстафия», сцепившегося на abordаж с флагманом турецким, потерь наши морские силы более не понесли, кроме команд брандеров. В операции же по сожжению турецкого флота в Чесменской бухте погибло десять наших моряков, правда, против более чем десяти тысяч турок, сгоревших, сражённых при взрывах и утонувших.

Затем расторопный испанец выполнял различные поручения Алексея Григорьевича Орлова, даже во многом содействовал установлению дипломатических отношений между Неаполитанским королевством и Российской империей. В конце 1771 года был направлен Орловым в Петербург с секретными бумагами, словом, завоевал доверие графа своим неллицемерным служением.

Из Петербурга он вернулся в начале 1772 года с пакетом для Орлова, в котором было поручение императрицы Екатерины и Григория Орлова графу обеспечить возвращение в Россию их десятилетнего сына после обучения в Лейпцигском пансионе. Поскольку де Рибас уже показал свои способности выполнять задачи точно и в срок, Алексей Орлов ему и поручил это важное дело.

Де Рибас привёз ребёнка в Ливорно, где постоянно находился при нём, и лишь в начале 1774 года отправился с ним в Петербург. За время пребывания в Италии, за долгую дорогу в Россию сын императрицы и Григория Орлова – тогда он ещё не звался Бобринским – привязался к грамотному храброму испанцу.

Ну а де Рибас, воспользовавшись удачным случаем ну и опираясь на самые добрые рекомендации графа Орлова-Чесменского, подал прошение и в марте 1774 года был принят уже на действительную российскую военную службу в чине капитана под русским именем Осип Михайлович Дерибас.

Не случайно он оказался и среди сотрудников кадетского корпуса. Видимо, было учтено то, что у него сложились самые добрые и искренние отношения с сыном императрицы и Орлова, теперь уже наименованным Алексеем Григорьевичем Бобринским.

Дерибас своевременно определил и то, что его покровитель Алексей Орлов уже не будет иметь того огромного влияния при дворе, как в пору возвышения брата. Что делать? И тут он совершил ещё один удачный шаг в жизни. 27 мая 1776 года женился на внебрачной дочери Ивана Ивановича Бецкого Анастасии Ивановне Соколовой, камер-фрейлине императрицы. Это сразу приблизило его ко двору. Даже при бракосочетании присутствовали императрица Екатерина, Григорий Александрович Потёмкин и наследник престола великий князь Павел.

Ну что ж, родство с Иваном Ивановичем Бецким, президентом Императорской Академии художеств и попечителем всех учебных заведений Российской империи в том числе, а по вполне понятным причинам, даже в первую очередь, кадетского корпуса, тоже немало способствовало карьерному росту.

Внебрачная дочь... Выгодна ли такая партия? Наверное, не всегда. Но тут случай особый. Быть может, Алексей Орлов ввёл его в курс дела, который вполне мог если и не твёрдо знать, то, во всяком случае, догадываться об особом положении Бецкого при дворе императрицы Екатерины.

А вскоре он стал свидетелем того, как императрица примчалась принимать роды у его жены Анастасии...

Родилась дочь, которую назвали Екатериной. Крестила её сама императрица, ведь она приходилась ей родной тёткой...

Интересно, что вторую дочь, которую тоже крестила императрица, назвали Софьей, явно не случайно, ведь Екатерина Алексеевна в бытность свою принцессой была Софией-Фредерикой...

Ну а Алексей Бобринский продолжал учёбу в корпусе, и Бецкой не переставал сам следить за его воспитанием и обучением, причём сообщал о нём императрице, по словам Петра Майкова, «все малейшие подробности и на все касающееся Бобринского испрашивал её разрешения и согласия».

Был постоянным наставником Алексея и Дерибас.

«Известный Бернулльи, посетивший в 1777 году Петербург, видел в лагере кадет в палатке Рибаса, Бобринского, молодого красивого взрослого человека (*wohlgewachsen*) лет 14 —15, который хотя воспитывается как кадет, но находится под особым надзором Рибаса, производит видное впечатление и даёт надежду, что со временем приобретет известность».

И здесь всё далеко не случайно, ведь Рибас был женат на незаконнорожденной дочке Бецкой, которая таким образом приходилась по отцу родной сестрой императрице.

Правда, как сообщил Пётр Майков, Алексей Бобринский стал постепенно разочаровываться в своём наставнике, наверное, не без влияния товарищей своих по корпусу, замечавших непоследовательность и некоторое лицемерие в поступках Дерибаса. Майков приводит факты из дневника Бобринского, в котором отмечено, что Дерибас учит кадет поведению достойному, наставляет их быть честными, скромными, трудолюбивыми, а сам далеко примером в этом не является. Тут вспоминается фраза, брошенная Суворовым об одном из своих подчинённых: «Хитёр... Его даже сам Дерибас не обманет».

Далее Пётр Майков сообщил ещё о том, с какой заботливостью относился Бецкой к своему внуку. Факт удивительный:

«Нельзя не обратить внимания, между прочим, на то, что Бецкой во время этого пребывания Бобринского в корпусе как бы делает укор Императрице, что она забывает молодого человека...»

И ещё:

«По окончании обучения в корпусе Бецкой привез к Императрице 23 февраля 1782 молодого Бобринского, по словам принца Прусского, говорившего, что Бецкой имеет искреннюю к нему дружбу, на которую никогда не считал его способным».

Итак, принц прусский «никогда не считал» способным Бецкого на дружбу? А тут вдруг такое исключение?! И снова не удивительно. Ведь то, что принц назвал дружбой, в общем-то, вполне обычная любовь к внуку. Не так уж редки случаи, когда отцы и сыновья или дедушки и внуки становятся друзьями. Дружбу в подобных случаях можно назвать наивысшей формой отношений в семье.

Но и после выпуска Бецкой не выпускал внука из поля зрения. Когда Бобринский вместе с другими выпускниками, согласно правилам тех лет, отправлен был в 1782 году в путешествие, «Бецкой составил им план путешествия, по которому предварительно им предстояло совершить большую поездку по России, посетить Москву, Нижний Новгород, Волгу, Урал, Екатеринбург, Астрахань, южную часть России и затем уже ехать чрез Киев и Варшаву за границу в Вену и, посетив Италию, Швейцарию, Францию, проехать в Англию и затем чрез Голландию, Бельгию, Германию возвратиться в Отечество. Вместе с этим Бецкой написал письма равным начальникам губерний, по которым путешественникам надлежало проезжать, письма тождественного содержания... инструкцию не раз уже напечатанную и свидетельствующую, несомненно, о просвещённом взгляде Бецкого на способ путешествовать с пользою».

И вот ещё вывод Петра Майкова. Переписка с сопровождающими кадет Бушуевым и Озерецким, по его словам, «показывает не только крайнюю внимательность и отеческую заботливость Бецкого к молодому господину», но и раскрывает также отчасти и характер Бобринского. Так, например, Бецкой пишет Бобринскому:

«Я радуюсь, что любопытству вашему и ваших спутников доставил удовольствие позволением продолжать ещё ваше путешествие по местам России... Читанные мною в вашем письме замечания касательно до проезжаемых мест, показывая мне, что вы усердствуете доставить себе полезные сведения, принесли мне немалое удовольствие...»

Всё шло поначалу благополучно. Но Бобринский, подобно другим своим товарищам, участникам путешествия, стал поигрывать в карты и погуливать с женщинами. В карты играли не просто так. Понадобились деньги, чтобы оплачивать карточные долги. Всем ведь известно, что в выигрыше, как правило, остаются только шулеры, а обычные картёжники всегда в проигрыше и долгах. Но и того мало. Женщины тоже стоили недёшево.

Императрица Екатерина, приобретая для своего внебрачного сына имения и определяя для него некоторые другие официальные доходы, рассчитывала на затраты, вполне достаточные, соответствующие среднему достатку.

Но для Алексея Бобринского, как показывает в книге Пётр Майков, средств таковых оказалось мало, а доходы Бобринского «находились в полном заведывании Бецкого».

Майков писал: «Бецкой переводил их в ежегодном, точно определённом Государыней Императрицею размере Бобринскому чрез посредство придворного банкира Сутерланда, причём было установлено, что Бобринский будет получать в начале каждой трети года по десяти тысяч рублей».

Излишние траты Бобринского поставили Бецкого в затруднительное положение. Бобринский, с одной стороны, просил о высылке денег не в установленном порядке и не в срок. Бушуев же (воспитатель, сопровождавший в путешествии. – *Н.Ш.*) писал Бецкому о разгульной жизни Бобринского и его расточительности и о том, что, не будучи способен предводительствовать сим молодым человеком, он служит, быть может, причиною его не исправления».

Что мог предпринять Иван Иванович Бецкой? Надеюсь, что удастся как-то воздействовать на юношу, он посоветовал Бушуеву «за лучшее средство оставить молодого человека следовать его развращенной вольности, не показывая ни малейшего вида беспокойства. Бобринскому же советовал остепениться, не тратить денег и т.д., но это нисколько не тронуло сего последнего, а... же ожесточило...».

Майков отметил, что Бецкой принял решение не высылать Бобринскому денег по его письмам. Видимо, была надежда тем самым удержать от усиливавшегося и ускорявшегося мотовства. Рассчитывал, что «отсутствие денег побудит его остепениться по невозможности тратить их безрассудно».

Императрице Иван Иванович вынужден был сообщить, что «Бобринский тратил более, чем ему отпускалось». Но тот сам пожаловался государыне, что нуждается в деньгах.

Вполне можно понять императрицу. Она, как и всякая мать, лишённая возможности дать ребёнку должное семейное тепло, как вынужденная лишить его материнской ласки и любви, поначалу приняла сторону сына. Бецкому написала:

«Я никогда не намеревалась лишать Бобринского того, что ему дала, поэтому прикажите безотлагательно выплачивать ему ежегодно без всякой придирки проценты с капитала, положенного по моему приказанию в воспитательный дом. Всё не согласное с этим будет несправедливостью. Прощайте, молю Бога о вашем здоровье».

Ну и, конечно, Бобринский, чувствуя поддержку, стал бомбить деда письмами с прежними просьбами о высылке денег. Трудно сказать, знал ли он, что Бецкой – его дед? Скорее нет, чем да. Но ребёнок, даже в возрасте уже не детском остающийся ребёнком и для родителей, и для дедушек с бабушками, всегда чувствует, где можно поднажать, надавить, выжать слезу, чтобы получить желаемое.

Правда, Иван Иванович Бецкой был по характеру твёрд и жёсток. Да и императрица могла терпеть до времени. И у неё был предел терпению.

Чем же оканчиваются страсти к карточной игре, всем известно. Судя по дальнейшим сведениям, настала пора, когда уж карты сделали обычное своё дело, сделали так, что, наверное, и не до женщин стало Бобринскому. Не до жиру – быть бы живу.

Пётр Майков писал далее:

«Сообщим здесь для полноты сведений, что Бобринский, по словам Комаровского, был одно время в Лондоне в обществе маркиза Вертильяка и других подобных ему игроков».

Граф Евграф Федотович Комаровский, в ту пору молодой дипломат, а впоследствии генерал от инфантерии, генерал-адъютант и автор мемуаров о событиях периода 1786—1833 годов, писал о Бобринском, с которым встретился ещё в Париже до отъезда того в Лондон:

«...сей последний вёл жизнь развратную, проигрывал целые ночи в карты и наделал множество долгов. Он находился под присмотром нашего посланника и барона Гримма.

Граф Бобринский, у которого я иногда бывал, – не иначе, как когда он сам заходил за мной, и я не в состоянии был от него отговориться, – не мог понять, что я по 18-му году не находил удовольствия в его обществе, и называл меня зато “le tres sage m-r Komarovsky” (благодарнейший г. Комаровский)».

А потом был Лондон, куда, по всей видимости, Бобринский просто-напросто бежал вместе с известным в Европе карточным игроком Вертильяком.

Пётр Бартенев в своём повествовании «Осмнадцатый век. Исторический сборник» писал:

«Я нашёл в Лондоне из Русских: ...Бобринского, приехавшего незадолго предо мною из Парижа. В его обществе находился маркиз Вертильяк, подобный ему игрок. Вертильяк уехал тайным образом из Парижа, дабы избежать заключения...»

Но и в Лондоне Бобринскому уже было оставаться опасно. Пётр Майков писал:

«Внезапно он уехал из Лондона. Он просил Екатерину II позволить ему принять участие в войне со Швециею и поехал в Россию, но на дороге был схвачен и отвезен в Ревель, где и прожил без дела остальные годы царствования Екатерины II, несмотря на свои письменные просьбы о дозволении ему служить».

Видно, положение, в котором оказался Бобринский, было слишком серьёзно, если императрица вынуждена была поступить с ним сурово. Бецкой же считал, что все беды происходили именно от зачатков воспитания, заложенных в немецком пансионе. Ему-то было лучше знать, как и чему учили в Европе. Просто сам он оказался в несколько более выгодном положении. Он начал воспитание и образования прошёл под строгим оком отца – русского князя Ивана Трубецкого.

По словам Майкова, лишь с приходом Павла Первого положение Бобринского облегчилось:

«Император Павел в шестой день по кончине Екатерины II пожаловал Бобринскому, по словам Болотова в “Памятнике протекших времён”, имение и огромный дом графа Орлова...»

К тому времени Иван Иванович Бецкой ушёл в мир иной. Он прожил долгую жизнь. Родился 3 февраля 1704 года в Стокгольме и умер 31 августа 1795 года в Санкт-Петербурге на девяносто втором году жизни.

Иван Иванович Бецкой во всех энциклопедических и биографических изданиях общепризнан видным деятелем русского Просвещения. С первых дней царствования и вплоть до 1779 года являлся личным секретарём императрицы Екатерины II, был назначен президентом Императорской Академии искусств в 1763 году и исполнял эту ответственную должность вплоть до кончины. Он являлся инициатором создания Смольного института и Воспитательного дома. Немало сделал в области строительства, возглавляя комиссию по «каменному строению в Санкт-Петербурге и Москве». Когда в 1763 году древняя Тверь пострадала от сильного пожара, именно Ивану Ивановичу Бецкому было поручено восстановление города, именно он занимался планировкой строений.

На его надгробном памятнике в Александро-Невской лавре помещены медальоны с изображением медали «За любовь к Отечеству» и надпись:

«ЧТО ЗАСЛУЖИЛЪ ВЪ СВОИХЪ ПОЛЕЗНЫХЪ ДНЯХЪ

ДА БУДЕТ ПАМЯТНИКЪ И ВЪ ПОЗДНИХЪ ТО ВЕКАХЪ

QUOD AEVO PROMERUIT, AETERNE OBTINUIT».

Латинская фраза является строкой из Горация и переводится дословно так: «То, что заслужил при жизни, стало вечным».

Гавриил Романович Державин отозвался стихотворением «На кончину благотворителя», предварив свои поэтические строки эпиграфом из «Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова»:

«Прежде неже умрешь ты, добро твори другу... и освяти душу твою, яко несть во аде възискати сладости». Сирах. гл. 14, ст. 13, 16, 17.

1. И ты, наш Нестор долголетний!
Нить прервал нежных чувств своих;
Сто лет прошли – и не приметны;
Погасло солнце дней твоих!
Глава сребрится сединами
И грудь хотя горит звездами,
Но протекла Невы струя:
Пресеклась, Бецкой, жизнь твоя.

2. Пресеклась жизнь, но справедлива
Хвала твоя не умерла!
Тех гроб, тех персть красноречива,
О коих говорят дела.
Воззрим ли зданий на громады,
На храмы Муз, на храм Паллады,
На брег, на дом Петров, на сад:
И камни о тебе гласят!

3. Но коль живые монументы,
Краснейши памятников сих,
Которых сгладить элементы
Не могут дланью сил своих,
Я вижу! Вижу в человеках,
В различных состояньях, летах,
Ты сколько обязал сердец!
Коликих счастья был творец!

4. Там зодчий зиждет храм молитвы,
Каменосечец – царский зрак,

Геройски живописец битвы
Одушевляет на стенах;
Там жёны, девы благонравны
Одежды в дар шьют домотканны
Мужьям и женихам своим,
И верностью гордятся к ним.

5. А там, из праха извлечённый,
Чужую грудь младенец пьёт;
Убогий, нуждами стеснённый,
Открытую казну берёт:
Согбенны старцы и вдовицы,
Питаясь от твоей десницы,
Отцом своим тебя зовут,
И слёзы о тебе все льют.
(...)

И завершил длинное посвящение строфой:

13. Почий покойно, персть почтенна!
Мирская слава только дым;
Небесна истина священна
Над гробом вопиет твоим:
«О смертные! добро творите
И души ваши освятите,
Доколе не прешли сей свет;
Без добрых дел блаженства нет».

1795

Это лучшая эпитафия делам Ивана Ивановича Бецкого и заслуженная оценка свершений его во имя России.

Война его невеста, любовница, жена...

Граф Пётр Александрович Румянцев-Задунайский «от дерзких младости забав» к женитьбе нежеланной, от первых блистательных ратных побед к великой военной школе, его именем названной.

1. «Высечь сына-полковника и женить!»

Сохранилось немало свидетельств того, что в детстве и отрочестве будущий полководец Пётр Александрович Румянцев был большим забиякой, ну а уж в юности – говорить страшно. Когда учился в Европе, от него дрожал весь Берлин, когда вернулся в Петербург – досталось и Петербургу.

Весёлые компании, кутежи, забавы, ну и конечно ватаги представительниц прекрасного пола были там, где гулял молодой повеса, которого ещё в отроческие годы выгнали из кадетского корпуса за постоянные нарушения дисциплины.

Впрочем, в те годы, когда Румянцеву пришлось покинуть кадетский корпус, императрица Елизавета Петровна не приняла всерьёз жалобы и обиды на забияку, ведь он был сыном любимца Петра Первого, адъютанта государева Александра Ивановича Румянцева. Его из корпуса выгнали, а императрица ему вместо укоров – первичный офицерский чин.

Елизавета Петровна уважала Александра Ивановича, поручала ему серьёзные и ответственные задания.

Вот и в тот год, с которого мы начинаем повествование, генерал-аншеф Румянцев находился далеко от столицы, нёс службу государеву, будучи полномочным представителем российского двора на конгрессе в Або. Он сумел склонить шведов к выгодному для России Або-скому мирному трактату (мирному договору), за что был пожалован графским титулом.

А сын его, получивший по этому случаю чин полковника, не унимался. И вот однажды лопнуло терпение Елизаветы Петровны. Села она за стол свой рабочий, пролиставла все давние уже письма и жалобы из Берлина и совсем свежие – из Петербурга. Подумала, подумала, да и повелела призвать к себе на беседу молодого Петра, названного родителями в честь её отца-императора.

Отправился к молодому Румянцеву камердинер государыни. Нашёл юного полковника в кругу таких же, как он, повес – отпрысков известных фамилий.

Весёлые женщины, игристое вино рекой.

Но камердинер государыни – это не фунт изюма. Вышел к нему Пётр Румянцев. Мундир нараспашку, в руке бокал, в другой – бутылка шампанского.

– Государыня призывает вас к себе. Завтра утром надлежит быть во дворце. – И он назвал время аудиенции.

Елизавета Петровна благоразумно решила принять его поутру – ведь ввечеру он мог быть и не совсем готов к разговору серьёзному.

– Буду... Буду в срок! – сказал Румянцев и протянул бокал.

Камердинер вежливо поклонился и пошёл прочь.

В компании взрыв восторга. В гвардии любили Елизавету Петровну, возведённую ими самими на трон. Да и Елизавета Петровна жаловала гвардию.

Выпили за императрицу, а вскоре и о ней, и о вызове забыли. Пора прекрасных барышень ублажать.

Но утром Пётр Румянцев надел с помощью слуги своего приведённый им в идеальный порядок парадный мундир и отправился во дворец, гадая над причиной столь срочного вызова.

Подумал: «Не с батюшкой ли что приключилось? – но сразу и отмёл эту мысль. – Тогда бы камердинер императрицы сообщил...»

Гвардейцам дворец знаком – побывать там не ново.

Проводили Румянцева в покои государыни, ввели в кабинет. Он щелкнул шпорами и доложил:

– Полковник Румянцев!

Императрица придирчиво осмотрела его.

– Ну, садись, Петро Александрович. Гостем будешь, – проговорила императрица, и по голосу её не разобрать было, добрым ли разговор будет.

Повелела кофе принести, сладости всякие. Думал Пётр Румянцев, что разговор долгим будет, но не угадал. Расспросила о том, что пишет он и что отвечает молодой человек своему родителю.

И ведь ни слова о забавах-кутежах, ни слова о жалобах на него, поступающих со всех сторон.

Как бы между прочим заговорила, что жениться пора. О невесте обмолвилась, есть, мол, девица такая, Катенька – Екатерина Михайловна Голицына. И собою недурна, и родовита. Пётр Румянцев на всякий случай особого энтузиазма при этих словах не проявил, но и протеста не высказал, всё ж сама государыня советы давала. Словом, многозначительно промолчал. Поди-ка пойми, из скромности радость не высказывает или таким образом согласие показывает.

Расписала государыня невесту. Отец её, как-никак, генерал-фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын. Она же дочь от его второго брака с княжной Татьяной Борисовной Куракиной.

Род Голицыных – самый многочисленный и знаменитый в России, да и род Куракиных немногим уступает ему. Родоначальником считается князь Андрей Курака. Вот на том дальнем уровне пересекается он и с Голицыными. Считается, что от старшего брата Андрея Кураки Голицыны происходят.

Куракины – признанные дипломаты, почти все их представители в XVIII веке на дипломатической службе состояли.

Государыня, конечно, не обмолвилась о том, что родство то с такими родами престижно, ведь Румянцевы далеко не так родовиты. Но Пётр Румянцев, как она понимала, осведомлён о том, а потому должен сообразить, что к чему.

Что знал о своих предках Пётр Александрович, нам неизвестно, поскольку ходило в ту пору несколько анекдотов и о происхождении, и о женитьбе его отца.

Следует сразу заметить, что анекдот в ту пору был вовсе не то же, что сейчас... В прошлом слово «анекдот» имело иное значение. Вот, к примеру, как объяснил его Владимир Иванович Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка»:

«Анекдот – короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае...»

Как видим, на первом месте стоит всё-таки замечательный, а уж потом забавный случай.

Так вот существует анекдот и «О женитьбе отца фельдмаршала Румянцева». Он таков:

«Отец Румянцева был бедный костромской дворянин. За свои заслуги он стал заметным человеком при дворе Петра I, а вскоре и одним из его любимцев. Видя это, один из вельмож предложил ему руку своей дочери и тысячу душ в приданое. Осчастливленный таким предложением, Румянцев кинулся к царю, чтобы получить его разрешение на столь выгодный брак. Подняв Румянцева с колен, царь спросил:

– Видел ли ты невесту и хороша ли она?

Румянцев честно отвечал:

– Не видел, но говорят, что она не дурна и не глупа.

Царь решил:

– Слушай, Румянцев! Балу я быть позволяю, а от сговора удержись. Я сам буду на бале и посмотрю невесту. Если она действительно достойна тебя, то не стану препятствовать твоему счастью.

До 10-ти часов вечера ожидали царя. Потом решили, что какое-либо важное дело помешало ему сдержать данное слово, и начали танцевать. Но вдруг Петр явился в дом предполагаемой невесты своего любимца, увидел её и, стоя в дверях в толпе любопытных зрителей, сказал довольно громко:

– Ничему не бывать.

Хозяин дома и жених были очень огорчены таким поворотом событий. На следующий день Румянцев с несчастным видом явился к царю. Лишь только царь увидел его, он сразу сказал:

– Нет, брат, невеста тебе не пара, и свадьбе не бывать. Но не беспокойся, я твой сват. Положись на меня, я высватаю тебе гораздо лучшую, а чтоб этого вдаль не откладывать, приходи вечером, и мы поедем туда, где ты увидишь, правду ли я говорю.

Вечером Пётр отправился с Румянцевым к графу Андрею Артамоновичу Матвееву. Когда Матвеев вышел ему навстречу, Петр спросил его:

– У тебя есть невеста? А я привёз ей жениха.

Неожиданное предложение привело графа в большое замешательство. Пётр тотчас отгадал мысли Матвеева:

– Ты знаешь, что я его люблю и что в моей власти сравнять его с самыми знатнейшими.

Пришлось графу согласиться на желание такого свата. Так девятнадцатилетняя графиня Марья Андреевна была объявлена невестой Румянцева».

Раз уж родитель Елизаветы Петровны принял участие в сватовстве отца, отчего же ей было не позаботиться о сыне?

Похвалила государыня Екатерину Голицыну: прекрасно образована, воспитана, говорит свободно на немецком и французском языках. Да и привлекательна и очень богата... Есть над чем поразмыслить. Впрочем, о богатстве молодой Румянцев и думать пока не думал. Иные мысли в голове.

Государыню выслушал. Кофе отведал. Держался скромно, старался больше слушать, нежели говорить.

А Елизавета Петровна меж тем достала из секретера пакет, загодя подготовленный да сургучом опечатанный, протянула ему:

– Вот, свежёшь батюшке. Да так, чтоб одна нога здесь – другая там. Сегодня и выезжай, как от меня выйдешь. Да кланяйся от меня батюшке, уважаю я его, очень уважаю. Родитель мой державный уважал и любил, я люблю и уважаю.

Дорога и не столь уж дальняя, но за рубеж. Город Або (ныне Турку) в XVIII веке был главным городом Або-Бьернеборгской губернии в Финляндии. Он расположен в устье реки Аурайоке, при впадении в Ботнический залив.

Ветром понёсся к отцу отъявленный петербургский дебошир Пётр Румянцев. Всё же поручение Государыни! Мчался с максимальной по тем временам скоростью, полагая, что везёт какие-то важные секретные документы или личные поручения государыни по поводу мирных переговоров со Швецией!

Влетел в отцовский кабинет с гордостью необыкновенной. Отец постоянно журил за весёлую разгульную столичную жизнь, неприятно укололи Петра слова из недавнего письма, в котором резко было выговорено:

«Мне пришло до того: или уши свои зашить и худых дел ваших не слышать, или отречься от вас...»

А вот тут и оправдание! Раз сама государыня направила, значит, верит, значит, не так уж и порицаемы его шалости.

Отец встретил приветливо, указал на стул, молча взял пакет, потянулся за ножом для бумаги, чтобы вскрыть его.

А возбуждённый ответственным поручением сын соловьём разливался, повествуя, как приняла его государыня, как «кофием напоила», как расспрашивала о жизни и службе. Только о невесте предпочёл умолчать. Как-то не очень был он готов и к самой женитьбе, да и к разговорам об этом важном, но не слишком для него привлекательном деле. В компаниях весёлых

сей вопрос не был особенно популярен. Свобода от семейных уз среди молодых повес ценилась особенно высоко.

Слушая, отец вроде бы и ещё более потеплел и поглядывал с улыбкой, пока пакет вскрывал. Но вот вскрыл, достал из него бумагу, государыней писанную, развернул и лицо побагровело.

– Р-р-розги! – скомандовал Александр Иванович во всю силу своего генеральского голоса.

Пётр оторопело посмотрел на отца, заговорил торопливо:

– Батя, батя, ты что ж это, батя, никак сеч меня задумал? Как можно, батя? Я ж полковник!

– Снимай мундир... Да быстро на лавку! Ничего твоему мундиру не сделается. Я буду сечь не полковника, а сына...

И ведь высек, да как ещё высек молодого гвардейского полковника! Осталось только неизвестно, что конкретно о делах государственных написала генерал-аншефу Александру Ивановичу Румянцеву императрица Елизавета Петровна. Может, и ничего. Известно лишь, что пожаловалась она на проделки, да и совет дала – тут слово «повелела», наверное, неуместно – именно посоветовала настоятельно: высечь сына-полковника, да и женить поскорее, ведь во все времена считалось, что жениться – значит остепениться.

Исторический писатель, сын знаменитого русского историка Н.Н. Бантыш-Каменского Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей русской земли» на это событие отозвался следующим образом:

«Чем занимался в то время будущий герой России? Он удалством превосходил товарищей, пламенно любил прекрасный пол и был любим женщинами, не знал препятствий и часто, окружённый солдатами, в виду их торжествовал над непреклонными, обучал батальон, в костюме нашего прародителя, перед домом одного ревнивого мужа; заплатил другому двойной штраф за причинённое оскорбление и в тот же день воспользовался правом своим, сказав, что он не может жаловаться, ибо получил уже вперёд удовлетворение! Проказы Румянцева, доведённые до Высочайшего сведения, заставили Императрицу Елизавету Петровну, во уважение заслуг графа Александра Ивановича, отправить к нему виновного с тем, чтобы он, как отец, наказал его. К чести графа Петра Александровича должно сказать, что и в полковничьем чине перед отцом он был покорен, как ребёнок. События эти, не подверженные сомнению, открывают нам, как неосновательно судить о людях по начальным их действиям!»

В результате этих обоюдных и согласованных действий императрицы Елизаветы Петровны и отца юного проказника генерал-аншефа Александра Ивановича Румянцева, Пётр Румянцев в столицу вернулся лишь для того, чтобы с невестой познакомиться, да под венец встать, а вслед за тем получил новое назначение, но уже вовсе не в гвардию. Направлен он был командовать Воронежским пехотным полком – подальше от Петербургских своих компаний.

Наверное, уж не без воли императрицы назначение это сделано было. Благоволила Елизавета Петровна к Румянцевым. Потому-то забияка Пётр по службе продвигался с быстротой непостижимой.

Много всяких кривотолков по поводу рождения будущего фельдмаршала.

Родился Пётр Александрович в 1725 году, ещё при последних днях жизни Петра Первого, но крестила его уже императрица Екатерина Первая.

В ту пору в службу военную записывали с рождения, правда, Петра Румянцева записали рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк в 1735 году, когда ему исполнилось десять лет. Ну и по обычаю того времени отпустили для образования «на домашнем коште». Отец в ту пору служил в Малороссии. Он нанял учителя Тимофея Михайловича Сенютовича. Да и сам вкладывал немало сил в образование сына.

Хорошо ли, плохо ли выучили отрока, но в 1739 году включили его в русское посольство в Берлине. Да видно компания в посольстве том оказалась не той, какой нужно. С 14 лет стали приобщать совсем ещё юного Петра сотоварищи по службе к кутежам и забавам, да таким, от которых Берлин порой содрогался.

Всё закончилось тем, что уже в 1740 году удалён был Пётр Румянцев из посольства с весьма резкой характеристикой и указанием, что выдворяется он за «мотовство, леность и забиячество».

Что делать? Как наставить сына на путь истинный? Вспомнил Александр Иванович о Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. Вот это школа! Многим недорослям и в ту пору, и во времена позднейшие, как, кстати, и в нынешние, она мозги вправляла.

Но не тут-то было. Это другим мозги вправлять удавалось, а с Румянцевым номер не прошёл.

Месяц проучился, изводя преподавателей и наставников, второй, третий, даже четвёртый... Но как только отец отправился в командировку, сбежал из корпуса – не понравилась ему армейская дисциплина.

Сбежал, но на престоле уже была императрица Елизавета Петровна. Выслушала она жалобы на сына отцовского любимчика, да и повелела присвоить чин поручика и направить в действующую армию.

Вот уж решение так решение, скажет читатель, не знающий порядков, которые царили в ту пору в России. Ведь чин-то поручика присваивался после окончания корпуса, для того и учили, чтобы офицером сделать. Иначе, зачем тогда учить? А тут недоучился – выгнали. И сразу получил то, что по выпуску полагается...

Ну и что же. Бывало и такое, что неучи чины военные получали. Вот что писал, оценивая положение, сложившееся в Русской армии во времена Анны Иоанновны и сохранявшееся на протяжении царствования Елизаветы Петровны, ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал-майор Николай Фёдорович Дубровин:

«Необходимо заметить, что в Русской армии в это время был наплыв иностранных офицеров, преимущественно немцев. Их принимали без всякого разбора, и современники среди себя видели камердинеров, купцов, учителей, переодетых российскими штаб-офицерами. Офицерский чин давался многим и без всякого затруднения. Его получали безграмотные подрядчики, умевшие угодить сильному, влиятельному лицу, и дети, едва вышедшие из пелёнок».

Итак, служба. Направлен Румянцев был в Финляндию, на территории которой гремела в ту пору Русско-шведская война 1741—1743 годов.

В боевой обстановке недавний повеса превратился в отважного офицера и вдумчивого командира, не бросавшего просто так на авось в пекло своих подчинённых. Кстати, и с подчинёнными он обращался так, как в те годы ещё не было привычно. Он мог поесть из общего котла, мог разделить последний кусок хлеба, если случались перебои в доставке провианта.

Авторитет его среди подчинённых сразу вырос, ведь солдаты пока ещё привыкли к другому обращению, о котором есть такое свидетельство современника Румянцева.

Генерал от инфантерии Хрущёв, вспоминая свои молодые годы, писал:

«С солдатами иноземные офицеры обращались грубо и жестоко, палка была в таком употреблении, что, стоя в лагере от зари до зари, не проходило часа, чтоб не было слышно палочной экзекуции. Исправным унтер-офицером и офицером считался тот, кто более дрался. Всякий офицер, по своим нравственным качествам и образованию мало отличавшийся от солдата, старался палкою доказать свои достоинство и значение. Такой офицер приобретал уважение от полкового командира и высших начальников, ибо тиранство и жестокость придавали название трудолюбивого и исправного».

Румянцев был не таким, к тому же он постоянно демонстрировал истинно русские мужество и отвагу, увлекая солдат за собой в самые трудные минуты боя. А за авторитетным, любимым командиром солдат всегда смело пойдёт в пекло.

Боевые действия для Русской армии начались успешно, и вскоре стало ясно, что Швеция потерпит поражение. Между тем императрица Елизавета Петровна согласилась пойти на перемирие, которое в феврале 1742 года сама же вынуждена была прервать.

Императрица обратилась к жителям Финляндии с Манифестом, в котором говорила о том, что война со стороны Швеции была не справедливой и что русское правительство призывает финнов отказаться от участия в ней на стороне агрессора. В этом случае она обещала содействовать образованию Финляндской государственности, то есть вырвать финнов из рук шведов.

В июне месяце русские войска без боя захватили крепость Фредриксхамн (Фридрихсгам), а в июле заняли Борго и начали преследовать шведов в направлении Гельсингфорса.

Во всех стычках со шведами, в которых ему удалось участвовать, поручик Румянцев показывал чудеса храбрости, за что был произведён в чин капитана.

26 августа русские вошли в Гельсингфорс, а вскоре была очищена вся Финляндия. С победной реляцией в Петербург к императрице было решено отправить молодого капитана Румянцева, которому едва исполнилось 18 лет.

Императрица Елизавета Петровна при получении этого донесения произвела юношу сразу в полковники.

Вот тогда-то и развернулась во всю ширь его удаля в столице, правда, несколько иного характера, ну и завершившаяся направлением к отцу с «секретным» пакетом, а впоследствии женитьбой и назначением на должность командира Воронежского пехотного полка.

В 1744 году после заключения выгодного Абоского договора со Швецией генерал-аншеф и дипломат Александр Иванович Румянцев был, как уже упоминалось, возведён в графское достоинство, распространяющееся на его потомство. Так стал Его Сиятельством и юный полковник Пётр Александрович.

Он продолжал службу. В 1748 году участвовал в походе корпуса Репнина на Рейн (в ходе Войны за австрийское наследство 1740—1748 годов).

Возвратившись, видимо, посерьёзней. Да ведь не только розгами и службой обоюдно решили его отец и государыня Елизавета Петровна унять забияку. Вот и выбрали в невесты Екатерину Михайловну Голицыну – дочь знаменитого петровского полководца князя Михаила Александровича Голицына.

Бракосочетание состоялось в 1748 году.

На некоторое время Пётр Александрович действительно несколько остепенился. Во всяком случае, первые годы после венчания в семье были мир и согласие.

Первой в семье родилась дочь Татьяна, но, к сожалению, она скоро умерла.

В 1751 году родился сын Михаил, впоследствии генерал-лейтенант, сенатор, действительный тайный советник.

Вторым сыном был Николай, родившийся в 1754 году. Он пошёл по гражданской линии, стал канцлером, слыл меценатом, известен тем, что основал Румянцевский музей.

Не менее известен и третий сын, Сергей, родившийся в 1755 году. Он выбрал дипломатическое поприще, но известен также как писатель. Сергей Петрович, подобно брату, занялся организацией работы Румянцевского музея в Петербурге.

Отец Петра Александровича успел женить сына, но порадоваться внукам ему не довелось. Он ушёл из жизни в 1749 году. И вот тут случилось чудо – Пётр Румянцев был настолько потрясён потерей отца, что полностью переменялся.

Кутежи прекратил окончательно и бесповоротно и с головой ушёл в службу.

Казалось бы, с женой повезло. Выбор отца и государыни был прекрасным. Екатерина Михайловна была красива, стройна, прекрасно воспитана и образованна, владела французским и немецким языками. Состояние у Голицыных было немалое, да и связи при дворе более чем прочные. Голицын в своё время был любимцем императора Петра, а всех любимцев отца Елизавета Петровна, как правило, привечала и продвигала по службе как военной, так и штатской в первую очередь.

«Необходимо Мне пришло с Вами изъясниться...»

Многие биографы отмечали, что безоблачное семейное счастье Петра Александровича и его супруги продолжалось шесть лет. А потом всё как будто бы разладилось. В чём же дело? Давайте посмотрим, какие события происходили в этот период?

Напомним... «В 1748 году Екатерина Михайловна вышла замуж за Петра Александровича Румянцева, но в согласии супруги жили не более шести лет...»

В 1751, 1753, 1755 годах родились три сына. Мы о них уже упоминали. Румянцев был в семье, а вернее, семья была с ним – там, где он проходил службу. Вообще, жена всегда стремилась быть с ним рядом. Легко променяла столицу на жизнь вдали от цивилизации.

Итак, 6 лет... Эти шесть лет, если верить биографам, заканчиваются в 1754 году, ну и как бы вдогонку им – на седьмом году совместной жизни появляется третий и последний сын Румянцевых.

Но что же произошло в 1755 году, когда, по мнению биографов, Румянцев вновь пустился в загулы. А вот тут уже ошибка. Часто некоторые авторы, нападая на героев прошлого, видят только их биографии и не видят того, что происходило вокруг.

Началась Семилетняя война... Россия объявила войну Пруссии 1 сентября 1756 года. Но вполне понятно, что к моменту объявления войны Русская армия была отобилирована и выдвинута к границам.

К началу войны Пётр Александрович Румянцев, несмотря на свою молодость, а ему шёл 32 год, стал генерал-майором, командовал бригадой в составе четырёх пехотных полков.

В 1757 году русские войска под командованием С.Ф. Апраксина выдвинулись в Курляндию.

19 августа 1757 года произошло сражение при Гросс-Егерсдорфе, которое могло закончиться плачевно для Русской армии из-за бездарности и нераспорядительности Апраксина, а скорее всего, прямого его предательства. Так вот сражение могло закончиться большой неудачей, если бы не Пётр Александрович Румянцев.

Его бригада была поставлена в резерв, и про неё забыли то ли по халатности, то ли по злему умыслу.

Пехотные полки Гренадерский, Троицкий, Воронежский были расположены на правом фланге Русской армии за лесом, и прусское командование не видело их и не подозревало об их существовании.

Густой лес окаймлял Егерсдорфское поле, на котором происходило ожесточённое сражение. Долгое время ни одна, ни другая стороны не могли взять верх. Но вот у пруссаков намечился успех – правый фланг Русской армии начал отход.

Левый фланг пруссаков миновал линию, на которой находилась бригада Румянцева. Апраксину достаточно было отдать приказ ударить во фланг и тыл, и победа была бы решена. Но такого приказа не поступало.

Румянцев постоянно вёл разведку. Ему докладывали о происходящем. Он недоумевал. Но курьеры, направляемые к главнокомандующему, либо не доходили до него, либо удерживались по непонятной причине в главной квартире.

Что же оставалось делать? Ждать, пока армия Апраксина будет разбита? Ведь прорыв на фланге чреват глубоким охватом русских боевых порядков и даже окружением главных сил. А ведь так удобен момент! И пруссаки не подозревают о столь мощной группировке у себя в тылу.

И Румянцев принял решение. Он отдал приказ, и четыре свежих полнокровных полка прошли через лес, чтобы наказать дерзкого противника.

Андрей Тимофеевич Болотов так описал блистательные действия Румянцева:

«Сии свежие полки не стали долго медлить, но давши залп, с криком “ура” бросились прямо на штыки против неприятелей, и сие решило нашу судьбу и произвело желаемую перемену».

Пруссаки были разбиты, и прусский король Фридрих едва не попал в плен. Поражение потрясло прусскую армию, и она отползла в тыл зализывать раны.

Отошли за Неман и русские войска. Подвиг Румянцева был отмечен чином генерал-поручика и назначением командиром дивизией.

Честь открыть кампанию 1758 году была предоставлена генералам Петру Семёновичу Салтыкову и Петру Александровичу Румянцеву. Имея под ружьём около 30 тысяч войск, дивизии Салтыкова и Румянцева стремительным броском заняли Кёнигсберг и очистили от пруссаков всю Восточную Пруссию.

Во время летней кампании Румянцеву пришлось прикрывать действия русских войск в Пруссии. Румянецв широко использовал конницу, которой было у него около 4 тысяч сабель, и так организовал её боевые операции, что его командование было признано образцовым.

Когда после битвы при Цорндорфе новый главнокомандующий Фермор, назначенный вместо Апраксина, начал отход в Померанию, Румянцеву поручили силами 20 спешенных драгунских и конно-гренадерских эскадронов задержать 20-тысячный прусский корпус у Пасс Круга.

Схватка была жестокой. Противник многократно превосходил числом эскадроны Румянцева. Но благодаря таланту Петра Александровича и мужеству его солдат, пруссаки не могли преодолеть сопротивления русских и были задержаны настолько, насколько было необходимо для вывода русских войск из-под удара.

Постепенно выковывалось мастерство полководца. Кто научил его тактике, оперативному искусству, стратегии? Ведь за 4 месяца в кадетском корпусе он в основном безобразничал и добился того, что командиры и наставники просто взвыли от него.

Отец, именно отец занимался с ним военным делом ответственно и напряжённо. И конечно же природный дар мы не можем исключить. Природный дар полководца. Не оттого ли он отметал в жизни всё, кроме военного дела?

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский в книге «Биографии Российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» писал:

«В 1761 году Румянецв, предводительствуя снова отдельным двадцатичетырёхтысячным корпусом, расположил он лагерь свой под Колбергом и держал в блокаде этот город в виду прусского стана, между тем как флот наш бросал бомбы с моря. Россияне несколько раз покушались на приступ: редуты почти ежедневно переходили из рук в руки; наконец Румянецв окружил пруссаков со всех сторон, преградив подвоз продовольствия. Отряды неприятельские, посылаемые к прикрытию обозов, были разбиваемы. Тщетно фельдмаршал Бутурлин приказывал Румянцеву отступить от Колберга по причине глубокой осени и расположиться на зимних квартирах: уверенный в победе, любимец славы ослушался своего начальника, с которым был соединен узами родства: принц Евгений Виртембергский нашёлся принужденным предоставить Колберг на произвол судьбы; Румянецв с частью вверенных ему войск овладел городом Трептау и вслед за тем заставил храброго коменданта Гейдена, два раза спасавшего вверенную ему крепость, сдать Колберг 5 декабря: 2903 чел. пленных, сто сорок шесть орудий, 33 тысячи ядр и бомб, 500 тысяч пуль и двадцать знамен были трофеями того дня. Император Петр III пожаловал графа Румянцева генерал-аншефом и кавалером орденов Св. Анны и Св. Апостола Андрея Первозванного (1762). Тогда прекратилась брань с Пруссией. Обладатель России намеревался отторгнуть от Дании наследственное свое достояние, Голштинию; назначал уже Румянцева главнокомандующим армией; велел объявить в Конференции, 27 июня, о скором отъезде своем в главную квартиру, как на другой день Императрица Екатерина II всту-

пила на престол, и Румянцев, готовившийся к новым победам, вложил в ножны меч свой, не присягал Государыне до тех пор, пока не удостоверился в кончине Императора...»

Да, действительно, в 1762 году сложилась такая ситуация, что Румянцев вполне мог уйти в отставку, и Россия не узнала бы его удивительных подвигов, его неповторимых побед.

Известно, что Пётр III, едва вступив на престол, прекратил войну против Пруссии и вернул Фридриху все завоевания Русской армии, политые кровью русских солдат. Свержение императора, которого в войсках считали предателем, все восприняли с восторгом. И всех крайне удивило, что Румянцев, которому сам чёрт не брат, отнёсся к случившемуся крайне сдержанно. Он не разделял восторгов, а относительно указа Императора идти в союзе вместе с недавними врагами на Данию счёл, что приказы не обсуждаются, а принимаются к исполнению. Тем более именно его новый император назначил главнокомандующим русскими войсками в Померании.

Пётр Фёдорович, ненавидевший всё русское, как ни странно, благоволил к Румянцеву. Присвоил ему чин генерал-аншефа и назначил в этот поход в союзе с Пруссией. Румянцев начал деятельно готовить войска к грядущим боям. А тут сообщение из Петербурга. Пётр III свергнут. На престоле – Екатерина Вторая.

Началась присяга императрице Екатерине...

И снова Румянцев заставил всех удивляться. Он отказался принимать присягу императрицы при живом императоре.

Все ждали отставки полководца и ссылки его в дальние имения. Да и сам Пётр Александрович не стал дожидаться развязки, подал прошение об отставке.

Екатерина II, которая была высокого мнения о его военном таланте, презрела собственную гордыню и написала ему:

«Господин генерал Румянцев!

Я получила письмо Ваше, в котором пишете и просите об отставке. Я рассудила, что необходимо Мне пришлось с Вами изъясниться и открыть Вам мысли Мои, которые, вижу, что совсем Вам неизвестны.

Вы судите Меня по старинным поведением, когда персоналитет всегда превосходил качества и заслуги всякого человека, и думаете, что бывший Ваш фавор ныне Вам в порок служить будет, неприятели же Ваши тем подкреплять себя имеют. Но позвольте сказать: Вы мало Меня знаете. Приезжайте сюда, есть ли здоровье Ваше Вам то позволит; Вы приняты, будете с тою отменностью, которую Ваши Отечеству заслуги и чин Ваш требуют.

Не думайте же, чтоб Я против желания Вашего хотела сим принудить Вас к службе: мысль Моя от того отдалена. Не токмо заслуженный Генерал, но и всякий российский дворянин по своей воле диспонирует о службе и отставке своей, и не то, что я убавить прерогатив оной хотела, оный паче при всяком случае подкреплю, а сие единственно пишу, дабы мы друг друга разумели, и Вы могли бы ясно видеть Моё мнение. Есть ли тогда, как Вам на смену другой был прислан, обстоятельства казались и были действительно конфузны, что может быть, и Вам поводом служили к подозрению о Моей к Вам не доверенности, то оное приписать должно случаю тех времён, кои уже миновались, и которых следу в Моих мыслях осталось.

Итак, в ожидании другого от Вас письма, в котором имеете Вы знать дать, исполните ли Вы жадное желание всей Вашей фамилии видеть Вас, или остаётесь ли Вы при силе Вашего последнего письма, в том и другом случае Я неотменено остаюсь Вам доброжелательная.

Из Москвы. 13 января 1763 г. Екатерина».

Румянцев побывал в столице, и вскоре получил новое назначение. Следующая война принесла ему необыкновенные лавры.

Любить Императорским Указом не заставить!

Война стала для Петра Александровича Румянцева основным делом. Но как же семья? О том, какая сложилась обстановка в семье, красноречиво свидетельствуют письма жены. В каждом письме боль.

Екатерина Михайловна остро переживала разлуку с мужем, упрекала его в том, что он её забывает, совсем не пишет ей.

Пётр Александрович постоянно находился при своих войсках. А жена жила одна, в Москве, и писала, писала ему письмо за письмом:

«Батюшка мой Пётр Александрыч, в неописанной горести, что писем не получаю. Вчерась приехала княгиня Белосельская, которая присылала сказывать, что тебя видела и ты, слава Богу, здоров. Казалось бы, зная такую оказию верную, можно написать, да, знать, что несчастье моё час от часу умножается и в горести уже безпримеру огорчена, а за что, то Бог знает, так забыта, не для меня сделай милость пока жива, хоть для бедных детей того удовольствия не отымай, что пиши.

Шесть лет живучи, и так быть огорчённой! Боже мой, когда бы конец мой век прекратил. Может быть, бы бедные дети в жалость пришли тебе. И рада, что я в горести попечу много утешена. Бедные дети уже пятая неделя были больны все, что я боялася, и за тем, и в деревню по сю пору не еду, что бы им да справиться после болезни и в грусти сидя, жду почту, думаю, что хоть то утешение буду иметь, что письмо получу, а нет ни строчки и ни слуху, ни вести.

Уметь то всё это переносить, конечно, моей натуре железной! И так, батюшка мой, самим Богом тебя прошу, сделай милость сжался в моё горестное состояние, вздумай, что моё благополучие в твоих руках, жизнь и конец мой сделать, за что же так меня огорчать, истинно нимало перед тобою не виновата, а единственно горячностью любви моей к тебе и так, окончив, пребуду покорная, верная жена...»

Порою она даже пыталась напугать супруга тем, что отправил детей в деревню:

«Что угодно, я без вас их при себе держать не буду», мол, каково одной воспитывать, но и в деревне не то, «потому, что мне их заключить в деревню жить, каковое я им могу там дать воспитание, уже и учить их леты те приходят». Так писала она в 1762 году, хотя тогда, по существу, и ехать-то некуда было. Только что закончилась Семилетняя война, а Румянцеву ещё предстояли боевые действия против Дании, которые замыслил Пётр Третий.

Но вот в 1764 году Петр Александрович получил назначение командующим Украинской армией. Ему не было и сорока, а в подчинении – целая армия.

Главная квартира располагалась в городе Глухове. Возможно, слёзные письма всё-таки подействовали. Румянецв дал согласие на приезд семьи, и Екатерина Михайловна, собрав детей, поспешила к нему, чтобы быть рядом.

Ещё три года вместе, в семье. Но в семье ли был Пётр Александрович? Не сломлен ещё вековой враг – турки. Нужно быть готовым к их коварству. И Румянецв дни и ночи напролёт в войсках. А они разбросаны на обширной территории. Неделями не попадал он домой. А жена одна. Постоянно с детьми. Они тоже страдали, потому что практически не видели отца. Дома Румянецв бывал редко, но и дома ему постоянно не до них.

Екатерина Михайловна готова была терпеть все невзгоды, лишь бы быть рядом с любимым, хотя бы вот так, почти формально, но рядом. Но Румянцеву семья мешала. Ему мешало в жизни всё, что не касалось военного дела. Он убедил супругу ехать в Москву. Екатерина Михайловна уехала в марте 1767 года. И снова переписка, которую перепиской назвать сложно – писала в основном она. Пётр Александрович отвечал редко, очень редко. Конечно, служба на первом месте, но, наверное, если бы очень хотел, нашёл бы время ответить, хоть несколько строк.

А злые языки тут как тут – у графа любовница! Это особенно печалило Екатерину Михайловну. Значит, дело не только в постоянных делах и заботах о подчинённом воинстве, значит, дело совсем в ином – он просто не желал общения с нею.

Она упрекала его в том, что ему «жену бросить и сокрушить, это плюнуть, а матресе покинуть жаль».

Любовница, мол, не мешает службе... А как же она, законная жена, как же дети? О детях беспокойство особое. Она уже начинала думать, что дети от нелюбимой жены не любимы, и в этом, именно в этом всё дело. Она жаловалась Петру Александровичу, старалась достучаться до его сердца, заявляя, что «дети ноне от меня погибают, какая я им мать могу назваться, что от меня единственно они страдают... Все горести беспримерные претерпеваю».

И тут же, опасаясь, что стенаниями своими только усугубит дело, только ещё больше оттолкнёт мужа, просила: «...не сердись. Бога ради, я сие истинно без сердца пишу, но слезами горькими, видеть, как я несчастна в свете рождена... Вижу уже, что тебе совсем не надобна, и ты в жизни уже ничего для меня и сделать не хочешь, а я лышу себя еще надеждою, что человеколюбия из одного ты войдёшь в моё состояние когда-нибудь и увидишь правость мою пред собою. Боже мой, плача сие пишу, такая тоска нашла, что жизнь не мила...»

Она снова и снова просила разрешения приехать к нему в Малороссию, быть постоянно рядом, но получала неизменный отказ.

Вспоминала первые годы совместной жизни и просила «жить так, как живали прежде, а не титулярною женой».

Екатерина Михайловна писала супругу: «Дом наш – это свеча с двух концов горит, на два дома живём, везде расход».

Но никакие доводы не действовали. Даже детьми Пётр Александрович Румянцев практически не занимался. Да и было ли у него на это время?

Императрица Екатерина конечно же знала о личной трагедии графини Екатерины Михайловны Румянцевой. Но что она могла сделать? Любить императорским указом не заставишь.

«Всякая неожиданность поражает турок»

А Румянцев бил турок, цепных псов извечных врагов русского мира – тёмных сил Запада.

План летней кампании 1770 года Пётр Александрович составил самостоятельно. Он добился от императрицы того, чтобы Военная коллегия не вмешивалась в дела его армии. Главной целью ставил – уничтожение живой силы противника. Любил при этом повторять: «Никто не берёт город, не разделившись прежде с силами, его защищающими».

Действуя наступательно, Румянцев собирался лишить турок возможности переправиться через Дунай и нанести им максимальный урон.

2-я армия должна была овладеть Бендерами и перейти к обороне украинских земель, имеваемых Малороссией. Румянцев добился упразднения малочисленной 3-й армии и включил её в состав своей армии отдельной дивизией.

Ещё до начала кампании 1770 года императрица, выполняя просьбу полководца, дала такое указание: «Оставляем вам самим делать и предпринимать... всё то, что собственным благоразумием за нужно и полезно находить будете».

Румянцев стремился определять свои замыслы, основываясь на характере возможных действий турок. А те готовились к кампании особенно тщательно, и план их, как отметил историк А.Н. Петров, «состоял в том, чтобы блистательно вознаградить себя за неудачи прошлого года, что приписывалось единственно неспособности визиря Моладанчи-паши. Новым визирем был назначен Халил-паша. Крымский хан, Девлет-Гирей, также был сменён, и теперь султан успокоился в ожидании побед. Намереваясь сперва стать во главе армии, он предпочёл потом остаться в гареме».

Что же именно предполагал совершить враг и какие силы для этого приготовил?

«План визиря, – указал далее А.Н. Петров, – состоял в том, чтобы, собрав у Бабадага 150 000 армию, перейти Дунай у Исакчи и двинуться вверх по правому берегу Прута на Яссы, в то время, как новый крымский хан Каплан-Гирей со своею 80 000 армиею соберётся в окрестностях Кишинёва и оттуда двинется на правый берег Прута с целью отрезать наши занимавшие Молдавию войска от главных сил графа Румянцева, расположенных на левом берегу Днестра. По мнению турок, этот одновременный удар с фронта и с тыла на наш многочисленный отряд в Молдавии должен был неминуемо его уничтожить, а затем ту же участь должна была испытать и остальная армия графа Румянцева».

Турки даже не подозревали о малочисленности войск, им противостоящих, не подозревали, что план их вполне достижим, но, правда, при одном немаловажном условии: он достижим в аналогичной обстановке и при аналогичном состоянии сил в борьбе с войсками любой армии мира, но только не русской.

Будучи спокоен за состояние границ России со стороны Кавказа, которые охранялись пятидесятитысячным ополчением грузинских царей Ираклия и Соломона, собиравшихся с помощью России добиться независимости от Османской империи, Румянцев решил развернуть активные наступательные действия на юго-западе.

31 марта 1770 года он писал графу Петру Ивановичу Панину:

«Придут ли рекруты или нет, доставится ли всё потребное или не будет, произрастёт ли трава или нет, я решусь 25 апреля первое движение своей армии сделать».

Действительно, в армии был большой некомплект. Румянцев сообщал в Петербург:

«Внутреннее состояние вверенной мне армии в своих великих недостатках, то есть рекрут и одеяний, а из последнего наипаче обуви, доселе ещё не поправляется по недоставлению того к полкам и уже не остаётся времени, а потому и надежды, чтобы сии нужды могли быть удовлетворены до начала кампании».

Румянцев предвидел правильно. Военная коллегия не успела и не смогла ничего сделать в оставшееся время. Быть может, уже тогда представилась императрице возможность оценить состав этого важнейшего в Державе органа, быть может, уже тогда она решилась подыскивать для столь ответственных и в то же время трудоёмких и многотрудных дел действительно способного к ним человека?! Война не раз доказала настоятельную необходимость реорганизации и в армии, и в военном управлении.

Рекруты всё-таки стали поступать. Повлияло на действия Военной коллегии решительное вмешательство императрицы. Но пополнение было совершенно негодным для боевых действий. Румянцев решил оставить вновь прибывшие подразделения в Хотине, включив их в состав гарнизона. Там предстояло подготовить воинов к предстоящим боям и подготовить должным образом. Пока же он приказал сформировать из каждой двух недоукомплектованных полков по одному полнокровному и боеспособному.

Вскоре главная армия выступила к Рябой Могиле. Чрезвычайно трудным и изнурительным был тот переход. Войска шли по земле, разорённой неприятелем. Румянцев подробно рассказал об этом в письме к императрице:

«Земля здесь во всём достатке опустошена, селения пусты, а жители, то от неприятеля, то от возникшей заразы переселяясь в горы, совсем опустили поля, и не видно, чтоб и для пищи их собственной каков-либо на оных посевах».

О трудностях марша он повествовал в другом письме, восторгаясь мужеством русского солдата:

«Не могу я, Всемилостивейшая Государыня, толь достаточно изобразить словами, koliko труда имели войска во всём, что совершили поныне в походе, восходя с одной превысокой горы на другую, ещё превысшую, между коими всегда есть глубокие дефили, не виляя края, так бы сказать в верх цепью связанным горам; тут выдержала артиллерия чрезвычайную пробу и показала, в каком она ныне наилучшем состоянии. Я думал в каждом месте, где насилу вылезть и подняться можно было верхом всаднику, что должно сокрушиться вдребезги её повозкам, но напротив она везде свои тягости не только без остановки, но почти и без порчи ввозила; на что все иностранные, при армии находящиеся, с удивлением взирают, так как и на подвиг наших солдат, что в них ни бодрости не умоляет, ниже приводят их в утомление повсеместные кручи и высоты, которые пройти со всеми тягостями армейскими, двигая их больше на ремнях недели лошадьми, только собственный опыт отъелает невероятность».

Вот когда представилась полная возможность заглянуть в душу русского солдата, увидеть величие защитника Родины – вчерашнего крепостного, а ныне мужественного витязя, которому не страшны ни жара, ни холод, ни тяжелейшие переходы, ни несметные полчища врага.

А враг действительно располагал значительным численным превосходством. И всё же Румянцев решил действовать наступательно, тем более он ощущал постоянную поддержку императрицы и её доверие. Недаром же она поставила его во главе 1-й главной армии, не зря писала ещё 10 декабря минувшего года:

«С удовольствием читали мы и рассматривали мнение Ваше о будущей кампании, ибо находим в нём, совокупно, и предусмотрения разумного полководца, и похвальное стремление истинного природного русского к распространению нераздельной славы нашей и Отечества».

В том же письме она откровенно высказывалась о полном доверии к таланту и мастерству полководца:

«В совершенном удостоверении о вашем военном искусстве и патриотическом рвении о пользе Отечества и неприкосновенной ещё славы оружия его, кои толь праведно решили выбор наш в персоне вашей, а кои да пребудут верными и лучшими вашими светодателями, оставляем вам самим делать и предпринимать, как в предварительных распоряжениях кампании, так в самое продолжение её против неприятеля, всё то, что вы собственным благоразумием за нужно и полезно находить будете».

Зная о большом численном превосходстве врага, императрица подбадривала полководца: «Пусть армия наша не будет многочисленна, но она обычна уже побеждать. Последний солдат ободрен одержанными успехами и уверен в приобретении новых под предводительством вождя, коего искусство собственным испытанием знаем».

9 июня армия Румянцева достигла местечка Цецора. Там он получил сообщение о приближении неприятеля, который сосредоточивался у Подолян. Необходимо было установить силы неприятеля и цель его действий. Румянцев выслал вперёд авангард под командованием генерал-майора Фёдора Васильевича Боура. В состав отряда входили 9 батальонов пехоты, 19 эскадронов кавалерии и 14 полевых орудий.

Обнаружив русские войска, турки всполошились, выслали вперёд лёгкую кавалерию и успокоились лишь тогда, когда определили численность отряда, предводимого Боуром. Скорее всего, турки просто не верили в то, что на подходе главные силы Румянцева. По расчётам турок, русские просто не могли в столь короткое время достичь Прута. Решив разделаться с русскими, командовавший объединёнными силами турок и крымских татар хан Каплан-Гирей переправил через Прут двадцатитысячный отряд пехоты и кавалерии. Однако совместными действиями двух русских отрядов, которые возглавил Боур, враг был отброшен за реку.

Разведка Боура установила, что Каплан-Гирей сосредоточил в районе урочища Рябая Могила 50 тысяч татар и 22 тысячи турок при 44 орудиях.

У Румянцева было 38—39 тысяч. Правда, в артиллерии Румянцев имел солидное превосходство – у него было 115 орудий.

Пётр Александрович решил нанести врагу внезапный сокрушительный удар и захватить лагерь. Все имеющиеся у него силы он разделил на четыре отдельных отряда. Один из двух, предназначенных для действий с фронта, он возглавил сам, второй поручил генералу Боуру. Третий отряд по его распоряжению возглавил генерал Потёмкин и четвертый генерал Репнин. Конница генерала И.П. Салтыкова должна была поддерживать действия пехоты.

Историк А.Н. Петров, подробно разбирая замысел полководца, писал:

«Диспозиция графа Румянцева состояла в том, что корпус Боура после сигнала должен выступить из своей позиции и следовать прямо для атаки с фронта неприятельского ретраншемента; в то же время отряд Репнина атакует правый фланг неприятеля и, зайдя ему в тыл, отрежет отступление. Главная армия предназначалась для поддержания Боура в главной атаке правого фланга противника. Отряд же генерал-майора Потёмкина должен был переправиться верстах в шести ниже Рябой Могилы и атаковать неприятеля с тылу».

Большое значение уделялось маскировке и скрытности действий. К примеру, один из корпусов выступил из лагеря ночью, оставив на месте палатки и даже не затушив костры. Благодаря этому он занял исходные позиции на фланге неприятеля так, что турки даже не заметили этого.

Отряд генерал-майора Григория Александровича Потёмкина, выступив затемно, скрытно достиг реки, в полной тишине переправился на противоположный берег в шести верстах ниже Рябой Могилы и, совершив быстрый переход, изготовился для атаки противника с тыла.

Отряды, предназначенные для действий с фронта, выступили в 2 часа ночи и к 7 часам утра расположились на высотах перед лагерем неприятеля. Артиллерия открыла по туркам сильный огонь. Сражение началось...

«Сильно укреплённый татарский лагерь при Рябой Могиле был взят широким обходным движением. Наш урон всего 46 человек, неприятель оставил до 400 тел. Всякого рода препятствия – естественные и искусственные – затруднили преследование. Хан занял ещё более сильную позицию на реке Ларга, где решил выждать до прибытия главных сил визиря, переправлявшихся через Дунай, и конницы Абаза-паши (15 000), шедшей от Браилова».

Ещё более полного успеха, ещё более значительного урона вражеского помешал добиться генерал Н.В. Репнин, который вёл корпус вяло и не успел достичь к рассвету указанного рубежа, то ли по нерадивости, то ли по трусости, то ли по злему умыслу. От ещё не разоблачённого в период царствования Екатерины врага России Н.В. Репнина ожидать можно было любой подлости. Да он и проявил свою подлую сущность в следующую войну, вредя Потёмкину и Суворову.

Его «опоздание» при Ларге, помешавшее отрезать пути отхода, позволило туркам стремительно покинуть поле боя и бежать так прытко, что догнать их и нанести полное поражение не удалось.

Точные потери врага установить было невозможно, поскольку турки успели вынести из боя значительную часть убитых и раненых. Но пленных и трофеев на этот раз досталось немало. Среди пленных оказались многие турецкие чиновники, находившиеся в лагере и не успевшие покинуть его. В их числе оказался и ханский секретарь Ахмет-ага, который сообщил, будто турки полагали, что в армии Румянцева не менее 150 тысяч человек. Очевидно, их сбил с толку глубокий манёвр, блестяще совершённый Потёмкиным и ошеломила решительная атака главных сил.

Между тем армия продолжала преследование турок, о чём Румянцев докладывал императрице следующее:

«После отправления всеподданнейшей моей реляции от 20-го сего месяца... не могла по сей день армия Вашего Императорского Величества более уже настигнуть неприятеля, который отбежал вдоль Дуная со дня, как познал он наши силы при атаке на высотах, ведущих к Бендерам... Теперь впереди посылаемые разъезды от командующего на правом берегу Прута генерал-майора Потёмкина ближе неприятеля не находят как у села Онч Ончи, а на левом, по уведомлению генерал-квартирмейстера Боура, между двух речек, называемых Салтра, которые сливаются с рекою Салбаш, падающею в Дунай».

Противник исчез... Его армия бежала столь быстро, что догнать её не представлялось возможным. Лишь 2 июля были получены первые более определённые сведения о неприятеле. Сначала разведчики обнаружили 15-тысячный отряд Абды-паши, расположившийся в районе деревни Водяны. Румянцев сделал вывод, что это, вполне возможно, авангард главной армии визиря. Предстояло решить, что делать?

Узнав, что противник сосредоточивается в районе Ларги, Румянцев заявил:

«Слава и достоинство наше не терпят, чтобы сносить присутствие неприятеля, стоявшего в виду нас, не наступая на него».

Он принял решение наступать, несмотря на то что сам имел силы прежние, пополнения не получал ни разу, в то время как противник располагал уже 65 тысячами татарской конницы и 15 тысячами турецкой пехоты. Итого: 80 против 38!

Но, по мнению Румянцева, медлить было нельзя, поскольку к туркам подходили подкрепления и численное превосходство их войск постоянно росло.

Подробности сражения при Ларге нам известны, как говорится, из первых рук. Вот что писал Пётр Александрович Румянцев генерал-аншефу Петру Ивановичу Панину, вскоре принявшему 2-ю армию:

«Приступ мы сделали 7-го числа на рассвете к сему неприятельскому лагерю; атакующие впереди корпуса с разных сторон введены были генерал-поручиком и кавалером Племянниковым... генерал-майором Потёмкиным и генерал-квартирмейстером Боуром, а армия между ними всходила также на вершину штурмовать неприятельский ретраншемент. Неприятель и почувствовавши уже наш огонь с пушек и мелкого ружья, до четырёх часов противился, однако ж нам как сильною своею канонадою, так и стрельбою с мелкого ружья. Но лишь только коснулись наши поспешно всходившие солдаты поверхности горы, то ни ретраншемент обширный, ни артиллерия не были больше этому защитой, а, напротив, от всюду потеснили мы его своим

превосходнейшим огнём и выбивали штурмом из одного по другому отдельных укреплений, коих было четыре в сём лагере».

При овладении одним из тех укреплений отличился Григорий Александрович Потёмкин. На пути его был глубокий овраг. Турки же засели на крутой возвышенности. Обозначив атаку с фронта, Потёмкин провёл главные силы в обход и внезапно обрушился на фланг неприятельской позиции.

Одновременно атаковали турецкий лагерь и другие корпуса.

Сражение продолжалось с 4 часов утра до полудня. Противник был разбит и, отступив в беспорядке, оставил на поле свыше 1 тысячи убитых. 2 тысячи турок и татар сдались в плен. Румянцев взял в числе множества трофеев 33 орудия, большой обоз и лагерь.

«Я осмелюсь, Ваше Императорское Величество, удостоверить, – писал он императрице, – что ещё с толиким ударом не был от наших войск рассыпан неприятель и никогда в толиком порядке и предприятии не действовал наш фронт, как при сей счастливой атаке. Чужестранные волонтеры и все, что теперь вообще служат, дадут мне в сём свидетельство...»

Победа при Ларге вновь доказала высочайшее превосходство русских войск над противником, и превосходство не в численности, в чём они как раз многократно уступали, а в силе боевого духа, в мастерстве, решительности, мужестве.

В рядах неприятеля начались разногласия. А.Н. Петров отметил:

«Татары, приписывая ларгское поражение тому, что они должны были согласовывать свои действия с участвовавшими в бою турецкими войсками, решились действовать впредь независимо от них, и ушли к Измаилу и Кили, где были оставлены ими пожитки и семейства перед выдвижением к Ларге. Турецкие войска двинулись в направлении к Рении, где были склады для армии...»

Однако визирь, решившийся наконец сам с главной армией выступить в поход против русских, приказал татарам присоединиться к нему. Предстояло сражение, которому суждено было решить исход всей кампании.

А в Петербурге широко праздновали победу при Ларге. Был издан специальный указ Военной коллегии о награждении генералов и офицеров армии недавно учреждённом императрицей Екатериной II орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Этим орденом были отмечены первые 19 человек. Первым кавалером 1-й высшей степени, или, как в некоторых документах значится, 1-го класса, стал Пётр Александрович Румянцев.

Императрица Екатерина II писала Румянцеву: «Граф Пётр Александрович! Вы легко себе представить можете, с коликим удовольствием я получила первые известия чрез полковника Каульбарса о совершенно Вами одержанной победе над неприятелем при речке Ларге. На другой день я со всем народом приносила Всевышнему достодолжное благодарение при пушечной пальбе в церкви Казанской Богоматери. Но наивяще чувствовала цену сего происшествия, когда 25 числа сего месяца усмотрела из привезённых поручиком гвардии Хотяинцовым и подполковником Мордвиновым писем обстоятельные описания сей славной Вам и всем в сражении бывшим войскам баталии, при которой вышнее воинское искусство предводителя было поддержано храбростию и неустрашимостию подчинённых ему воинов. Что более услуги к Отечеству, то менее цены оным может определить настоящее время; одним потомство означает степени славы знаменитым людям всякого рода. Вы займёте в моём веке несумненно превосходное место предводителя разумного, искусного и усердного. За долг почитаю Вам отдать сию справедливость, и, дабы всем известен сделался мой образ мысли об Вас и моё удовольствие о успехах Ваших, посылаю к Вам орден Святого Георгия Первого Класа. При чём прилагаю реестр тех деревень, кои немедленно Сенату указом повелено будет вам отдать вечно и потомственно».

Во всех вышепоименованных сражениях уже активно применялось войсками Петра Александровича Румянцева новое построение боевого порядка. Пехота строилась в несколько

каре, число которых устанавливалось в зависимости от решаемых задач. Это блестяще использованное Потемкиным под Фокшанами построение совершенствовалось и оттачивалось в каждом новом деле с неприятелем. Турки и татары постоянно превосходили числом русских, но постоянно же и неизменно были биты. Однако такого огромного превосходства, как под Кагулом, они прежде не имели ни разу.

Сражение произошло 21 июля 1770 года. Едва ли был в то время в мире полководец, который бы решился на схватку с врагом в подобных условиях. А.Н. Петров так описал тяжелейшее положение, в котором оказалась армия Румянцева:

«Находясь в узком пространстве между речек Кагул и Ялпух, имея в тылу 80 000 татар и с фронта 150 000 тысячную армию визиря; с провиантом не более как на трое суток, рискуя потерять весь транспорт, – нужно быть Румянцевым, чтобы не пасть духом...»

План, составленный визирем для атаки наших войск, был очень основателен. Пользуясь чрезвычайным превосходством в силах, он решился устремить 150 000 турок на фронт и левый фланг нашей позиции у Гречени, опрокинуть нас в реку Кагул и в то же время атаковать 80 000 татар наш тыл.

Граф Румянцев... имея возможность заблаговременно отступить, не сделал этого потому, что хорошо знал, чего он может ожидать от наших войск. Сверх того, отступление было бы очень трудно. Сзади находились чрезвычайные горы, на которых неприятель мог бы наступать нас кавалериею на каждом шагу».

Каковы же силы были у Румянцева? А.А. Керсновский указал:

«У Румянцева оставалось в ружье всего 17 000 (около половины войск, с которыми он выступил из-под Хотина два месяца назад), однако он был уверен в своих войсках и решил разбить визиря до того, как он соединится с татарами».

Итак, 17 тысяч против 150 тысяч турок и 80 тысяч татар, то есть против 230 тысяч неприятеля. Действительно, не было ни до того, ни в последующем (исключая, конечно, Суворова) ни одного полководца в мире, который бы решился атаковать неприятеля при подобном соотношении сил. Но Румянцев решился, причем, несмотря на огромное превосходство врага, он по-прежнему не велел брать рогатки, говоря, что они служат «трусам заградою, а храброму помехою».

Обратимся к описанию этого баснословного сражения, сделанному Керсновским:

«20 июля турки, двигаясь вдоль речки Кагул, расположились лагерем у села Гречени, намереваясь на следующий день атаковать русских. 80 000 татар стояло на Ялпухе в 20 верстах... Но Румянцев предупредил турок и на следующее утро 21 июля сам атаковал их и одержал над ними блистательную Кагульскую победу, навсегда прославившую его имя. Визирь бежал, оставив в наших руках 200 пушек и весь лагерь, татарский хан последовал его примеру. Русская армия пошла на турок тремя дивизионными кареями и опрокинула их толпы. Внезапная контратака 10 тысяч янычар, набросившихся на дивизию генерала Племянникова, едва не имела успеха. Личный пример Румянцева, бросившегося в сечу, и его “стой, ребята!” спасли положение. Истреблением янычар закончилось поражение турецкой армии. Турки потеряли до 20 000 убитыми, свыше 2000 пленными, до 300 знамен и значков, 203 орудия. Наш урон – 960 человек. Преследование велось энергично: 23 июля авангард Боура достиг турок на переправе через Дунай и под Карталом добил расстроенные полчища, захватив остальную артиллерию (150 орудий). Перебравшись через Дунай, Молдаванчи смог собрать из всей армии лишь 10 000 человек».

Результаты поистине баснословны. Получалось, что на каждого русского солдата приходилось более одного убитого неприятеля. А разве не впечатляет 353 отбитых орудия! Турки лишились всего...

Победа при Кагуле потрясла мир. Талант полководца, предводительствовавшего Русской армией, мужество частных начальников, удивительная отвага русских солдат сделали своё

дело. В реляции Румянцев наряду с другими отличившимися отметил: «По справедливости я также должен засвидетельствовать и о подвигах... генерал-майоров и кавалеров Глебова, графа Подгоричани, Потёмкина и бригадира Гудовича...»

Отмечая вклад Румянцева и Потёмкина в развитие военного искусства в ходе кампании 1770 года, А.Н. Петров писал:

«Мы видели, что ещё при Фокшанах 4 января и при Браилове 18 января 1770 года Потемкин и Штофельн не употребляют своих рогаток при своих отрядах и строятся в три отдельных каре...»

Однако ведь мы привыкли считать, что впервые это новаторство применил Румянцев. Петров же справедливо называет заслуги Потёмкина частными, а заслуга Румянцева, по его словам, «состоит в том, что отмена рогаток введена в общее правило».

Нужен был полководческий гений Потёмкина, чтобы в определённый момент и в определённой обстановке применить новаторство, смело проявить инициативу и победить. Нужен был гений Румянцева, чтобы новаторство не только поддержать, но внедрить повсеместно и одержать во сто крат более блестящие победы при Рябой Могиле, Ларге и особенно при Кагуле.

Оба военачальника «из стаи славной екатерининских орлов» умели правильно выбирать время для атаки противника и направление главного удара, на опыте убедившись, что «всякая неожиданность поражает турок». Во всех битвах Румянцев выводил войска на исходные позиции ночью и с первым светом наносил по неприятелю тщательно согласованный по рубежам и времени внезапный удар.

Кагульская победа стала вершиной полководческого мастерства Румянцева. 2 августа 1770 года состоялся указ Военной коллегии, в котором значилось:

«Высочайшим Её Императорского Величества указом, данным Военной коллегии сего августа 2-го дня, Её Императорское Величество всемилостивейше соизволила пожаловать Вас в свои генерал-фельдмаршалы».

Румянцев стал не просто командующим, не просто боевым генералом, он стал теоретиком военного дела. Недаром существует целый раздел военной науки, именуемый Школой Румянцева.

Один из наиболее авторитетных исследователей Русского военного искусства ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба Дмитрий Фёдорович Масловский писал: «Есть многие отделы, в которых не видно следов влияния, например, великого Суворова или Потёмкина, но нет ни одного отдела, где не осталось бы следов Румянцева».

Масловский назвал Румянцева самым видным деятелем «в истории военного искусства в России, не имеющим себе равного и до последнего времени», то есть до второй половины XIX века, когда писал эти строки историк.

Антон Антонович Керсновский указал:

«Лишь в великой Румянцевской школе могли создаваться такие военные гуманисты, как Вейсман, Потёмкин, Пётр Панин, сам Суворов... Гению Румянцева обязана Русская армия появлением Суворова, творчество которого смогло благоприятно развиваться лишь в обстановке, созданной Румянцевым. Не будь Румянцева, в силе бы оставалась пруссачина – и командир Суздальцев не преминул бы получить от военной коллегии “реприманд” за несоблюдение устава и требование наистрожайше впредь руководствоваться лишь артикулами оного. Полк лишился бы “Суздальского учреждения”, а армия – “Науки побеждать!...”».

Награды Императрицы и восторги короля

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей русской земли» писал:

«Велики были заслуги, оказанные Отечеству Румянцевым, но и награды, полученные им от справедливой Монархини соответствовали оным.

Екатерина в день мирного торжества 10 июля 1775 года пожаловала графу Петру Александровичу:

- 1) наименование Задунайского, для прославления через то опасного перехода его через Дунай;
- 2) грамоту с прописанием побед его;
- 3) за разумное полководство: алмазами украшенный фельдмаршальский жезл;
- 4) за храбрые предприятия: шпагу, алмазами обложенную;
- 5) за победы: лавровый венок;
- 6) за заключение мира: масличную ветвь;
- 7) в знак Монаршего благоволения: крест и звезду ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, осыпанные алмазами;
- 8) в честь его и для поощрения примером его потомства: медаль с его изображением;
- 9) для увеселения его: деревню в пять тысяч душ в Белоруссии;
- 10) на построение дома: сто тысяч рублей из Кабинета;
- 11) для стола: серебряный сервиз;
- 12) на убранство дома: картины.

Этого мало: Екатерина умела и наградам своим придавать оттенки для возвышения заслуг и самой благодарности. В списках, удостоенных 10 июля Монаршего благоволения, первое место занимал по старшинству князь Александр Михайлович Голицын, второе Румянцев, но Государыня хотела отличить последнего перед первым и собственной рукой прибавила к его титулу слово Господин, между тем как Голицын наименован просто генерал-фельдмаршалом! Она желала, чтобы Задунайский, по примеру римских полководцев, имел въезд в столицу через триумфальные ворота на колеснице: скромный герой, привыкший к лагерной жизни, отказался от почестей и ещё более явил себя великим в глазах соотечественников! Малороссия снова поступила под начальство его: оттуда Румянцев вызван был в С. Петербург (1776 г.), для сопровождения наследника престола в Берлин, по случаю предназначенного бракосочетания его с племянницею короля прусского принцессою Виртембергскою.

– Приветствую победителя оттоманов, – сказал Фридрих Великий Румянцеву в то время, как фельдмаршал преклонил перед ним чело своё:

– Я нахожу великое сходство между вами и генералом моим Винтерфельдом.

– Государь! – отвечал Румянцев. – Для меня весьма бы лестно было хоть немного походить на генерала, столь славно служившего Фридриху.

– Нет, – возразил король, – вы не этим должны гордиться; но победами вашими, которые передадут имя Румянцева позднейшему потомству.

Уважая достоинства российского полководца, король приказал военному штабу своему явиться к Румянцеву с почтением, с поздравлениями; возложил на него орден Чёрного Орла; собрав весь гарнизон в Потсдаме, представил примерное Кагульское сражение, которым сам предводительствовал.

В Берлинской Академии Наук славный Формей произнёс речь, в коей выхваляя добродетели наследника Престола Российского, коснулся и Румянцева:

“Да великая и процветающая империя, предназначенная Вашему Высочеству, – сказал он, – всегда будет опираться на столбы столь же прочные, каковые и ныне поддерживают её.

Да в советах ваших первенствуют всегда министры, в армиях полководцы, одинаково любимые Минервою и Марсом. Да будет герой этот (здесь я невольным образом предаюсь восторгу, ощущаемому мною при виде великого Румянцева) долгое ещё время ангелом хранителем России! Распространив ужас своего победоносного оружия за Дунаем, он ныне украшает берега Шпреи доблестями, не менее славными, возбуждающими удивление. Но чтобы достойно возвеличить мужа, который с храбростью Ахиллеса соединяет добродетели Энея, надобно вызвать тени Гомера и Виргилия: голос мой для сего недостаточен”.

Здесь должно прибавить, что в этом собрании Румянцев сидел подле короля, между тем как два принца Брауншвейгские и три Виртембергские стояли».

Вот так описывает знаменитый историк Дмитрий Бантыш-Каменский восторг Европы, кстати, быть может, перед нами описание того редчайшего случая, когда восторг этот был нелепым.

Впрочем, король Фридрих после Семилетней войны не очень хотел конфронтации с Россией.

Историк Павел Иванович Сумароков в книге «Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой», отметил необыкновенную скромность Петра Александровича Румянцева:

«Императрица желала, чтобы граф Румянцев... вступил бы в столицу на колеснице, по обряду римлян, под арку, богато украшенную; но скромный герой, привыкший к лагерной жизни, к трофеям на полях брани, остановился за городом, просил избавить его от почестей, и в ожидании разрешения оставался в предместье. Скакали адъютанты, посланные с переговорами; Екатерина согласилась на его представления, и в замене прежнего предложения дано повеление, чтобы знатнейшие гражданские, воинские чины предстали ему с приветствиями, поздравлениями; это составило иного рода триумф».

Несчастья статс-дамы Румянцевой

Не забыла Екатерина II и о супруге полководца Екатерине Михайловне Румянцевой. Ещё в 1773 году императрица пригласила графиню на бракосочетание великого князя Павла Петровича с Натальей Алексеевной и возвела её в действительные статс-дамы, назначив при этом гофмейстериной к великой княгине Наталье Алексеевне.

Екатерина Михайловна с детьми переехала в Петербург. Туда граф приезжал чаще, чем в Москву, поскольку было немало служебных дел. Но надежды на возобновление отношений рухнули уже при первом его приезде.

Существовал обычай выделять сановником такого ранга, как Румянцев, во время их пребывания в столице специальные дома. Не могла государыня нарушить это правило ради графини. Румянцев же остановился именно в отведённых для него покоях, не пожелав ехать в дом супруги. Встречи всё же были. Екатерина Михайловна приезжала к мужу и даже иногда обедала у него. Но... не более. Он избегал общения вообще, а близкого тем более.

И всё же в том же 1773 году Екатерина Михайловна сделала ещё одну отчаянную попытку соединиться с мужем. С разрешения императрицы оставив на время малый двор, при котором состояла, она помчалась к мужу. Война с турками подходила к концу, и Екатерина Михайловна надеялась, что теперь у супруга будет больше времени.

Но об отношении Румянцева сама же потом вспоминала, что «так была пренебрежена и худо трактована от него», что её «встреча с ним в гнев привела».

Екатерина Михайловна вернулась в столицу и приступила к своим весьма ответственным обязанностям.

Императрица старалась поддержать покинутую графиню, которая тем не менее официально оставалась супругой блистательного генерал-фельдмаршала, приносившего России великолепные, порой баснословные победы.

Ну а переписка продолжалась. Вот, к примеру, что рассказал В.С. Лопатин в статье «Письма, без которых история становится мифом». Речь идёт о времени возвышения Потёмкина.

«... 15 марта следует новое пожалование: Потёмкин назначается подполковником в лейб-гвардии Преображенский полк.

Жена фельдмаршала Румянцева графиня Екатерина Михайловна (супруги жили врозь; графиня, занимая должность обер-гофмейстерины при малом дворе, была в курсе придворных течений) спешит поделиться с мужем поразительной новостью:

“Подполковничество гвардии их (то есть Орловых и их сторонников. – В. Л.) с ног срезало и доказывает, что он преодолел, потому что Алексей Григорьевич здесь и в бытность его при нём определяется в другой полк... Граф Чернышёв весьма смутен, ходит и твердит, что в Ярополец жить поедет... Я теперь считаю, что ежели Потёмкин не отбоярит пяти братьев, так опять им быть великим. Правда, что он умён и может взяться такою манерою, только для него один пункт тяжёл, что Великий Князь не очень любит”. Не письмо, а целая реляция с поля сражения. Напомним, полковником всех гвардейских полков была сама Императрица».

Из этих писем следует, что Екатерина Михайловна спешила сообщать последние дворцовые новости, чтобы хоть как-то сохранять общение в письмах. Но Румянцеву это не требовалось. Всё, что нужно было ему знать, он знал от своей сестры Прасковьи Александровны Брюс, близкой подруги императрицы.

А Екатерина Михайловна старалась удержать ниточку переписки, понимая, что только одними упрёками дело не поправишь. Надежда оставалась, надежда жила в её сердце. И она описывала супругу последние события, рассказывала о возвышении Потёмкина, о впечатлении, которое производит его славный воспитанник:

2. II. 1776 года она писала:

«Григорий Александрович по наружности так велик, велик, что захочет, то сделают. Третьего дня, ввечеру уже это было, на братнином дежурстве, чтобы Конную гвардию отдали в команду, что как полк весь этот опустился. Это поутру, что дала приказ писать, а там остановили. Опять ввечеру послали, а многие уверяют, что горячность уже прошла та, которая была; и он совсем другую жизнь ведёт, вечера у себя в карты не играет, а всегда та прослуживает. У нас уже на половине (у наследника престола. – В. Л.) такие атенции в угодность делает, особливо в полку, что даже на покупку лошадей денег своих прислал 4000 рублей и ходит с представлениями, как мундиры переменять и как делать и все на апробацию. Вы бы его не узнали, как он нонеча учтив передо всеми. Весёлым всегда и говорливым делается. Видно, что сие притворное только. Со всем тем, чего бы он ни хотел и ни просил, то, конечно, не откажут».

Упоминание о «братинном дежурстве» – это о родном брате Екатерины Михайловны Александре Михайловиче Голицыне, генерал-фельдмаршале и генерал-адъютанте.

В 1775 году в Москве широко и торжественно отмечалась победа над турками и заключение Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

В честь этого события Екатерине Михайловне 12 июля 1775 года был пожалован орден Святой Екатерины малого креста.

Петра Александровича с восторгом встречала Москва. Была среди встречающих и его супруга. Ей оказывали особое внимание, особые почести.

Далеко не все знали, каковы отношения в семье блистательного полководца.

И снова он удостоил жену лишь короткого и сухого общения.

Екатерина Михайловна, выросшая в военной семье и умевшая ценить военные заслуги, не могла не гордиться супругом, но к этой гордости за его необыкновенные заслуги примешивалась грусть, порой, переходившая в отчаяние.

Её супруг! Да не её... Статный красавец, любимец женщин... Мы привыкли видеть портреты генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева, с которых смотрит на нас уже пожилой человек. Но есть портреты и другие, на которых изображён бравый молодой генерал. Таким впервые увидела его Екатерина Михайловна, увидела даже не генерала ещё, а молодого полковника, таким она его полюбила, и любовь к нему пронесла через всю свою недолгую жизнь...

А годы шли... И вот уже двадцать лет продолжался этот странный брачный союз, который не приносил счастья ни Петру Александровичу, ни Екатерине Михайловне. Все заботы семейные, все заботы хозяйственные на ней и только на ней. И самая главная забота – забота о детях, об их образовании и воспитании.

Биограф писал о ней:

«Полная любви к мужу, она больше двадцати лет живёт в разлуке с ним и, несмотря на это, всегда стремится сберечь время и силы своего мужа: озабочена финансовой стороной жизни, она – охранительница богатства Румянцевых и этим в значительной степени даёт графу возможность сосредоточить все своё внимание на делах государственных. Наконец, что всего важнее, графиня – воспитательница детей и в числе их славного Николая Петровича Румянцева. Эти три заслуги Екатерины Михайловны ставят её в ряд замечательных русских женщин. С одной стороны, – в судьбе этой энергичной женщины отразилось много раз повторяющееся положение: обратная сторона медали не то, что лицевая; за великими подвигами скрыто много слез и страданий, и велико бремя, налагаемое знаменитыми людьми на близких своих; – с другой стороны, графиня – женщина своего века. Сама она не уяснила себе, что (помимо мужниного величия) самый способ заключения браков по расчёту без доброго чувства, без общей симпатии и искреннего влечения – одна из причин всего горя и мучений, что тяготятся над людьми, устроившими свою судьбу так, как случилось это с Екатериною Михайловною».

«При принцессе состоять супруге Румянцева»

Она ещё успела исполнить важное поручение императрицы – в июне 1776 года выезжала со свитой в Мемель, где встретила Софию-Марию-Доротею-Августу-Луизу Вюртембергскую – будущую великую княгиню Марию Фёдоровну, вторую супругу Павла Петровича.

Первая его супруга, при венчании с которой Павла она присутствовала, умерла при родах.

Великий князь Павел Петрович выбрал именно графиню Екатерину Михайловну Румянцеву в наставницы для своей будущей супруги. Была даже составлена специальная инструкция, в которой записано:

«При принцессе будет состоять супруга фельдмаршала Румянцева, дама известная своими достоинствами и честностью, которая употребит всё своё старание, чтобы приобрести доверие принцессы. Принцесса может положиться на то, что она не употребит её доверия во зло; было бы хорошо, если бы принцесса по пути в Россию посоветовалась с нею о некоторых вещах. Но я должен, вместе с тем, предупредить принцессу, чтобы она не позволяла с собой никакой фамильярности иначе, как в те моменты, когда она сама того пожелает; это будет всегда хорошо, в особенности в том случае, если бы фельдмаршалыша Румянцева сделала что-либо, не заслужившее одобрения принцессы, так как это дало бы ей достаточный авторитет и право высказывать, хотя в мягких выражениях, все то, что могло бы ей не понравиться. Я советую принцессе предоставить фельдмаршалыше Румянцевой полную свободу относительно прислуги и других мелких домашних распоряжений, даже относительно гардероба, и никогда не допускать, чтобы ей жаловались на фельдмаршалышу Румянцеву. В противном случае я советую ей действовать таким образом: если бы принцесса случилась быть недовольной каким-либо из её слуг, то было бы лучше всего заявить о том фельдмаршалыше Румянцевой, не обращаясь никогда к кому-либо постороннему».

Всё поначалу складывалось хорошо. Принцесса привязалась к Екатерине Михайловне, делилась с ней даже самыми сокровенными своими мыслями. Но возникли обстоятельства, которые встревожили Екатерину Михайловну.

Они связаны с сыном её Николаем Петровичем. Двадцатидвухлетний камер-юнкер граф Николай Петрович Румянцев оказался в обществе, образовавшемся при малом дворе. Он был привлекателен, образован, хорошо воспитан, и молодая великая княгиня Мария Фёдоровна стала оказывать ему знаки внимания. И не случайно. Николай Румянцев выделялся среди остальных молодых людей, окруживших великокняжескую чету. Мария Фёдоровна своих симпатий не скрывала, а Павел Петрович просто подружился с ним.

Екатерина Михайловна места себе не находила. Она помнила, что произошло совсем недавно, когда была жива первая жена великого князя.

Придворный Александр Михайлович Тургенев писал о Наталье Алексеевне:

«Великая княгиня умела обманывать супруга и царедворцев, которые в хитростях и кознях бесу не уступят... Она даже смогла извернуться из практически безвыходного положения. Согласно законам двора невеста наследника должна была пройти осмотр врачей на предмет целомудрия – это была обычная процедура. Но в этот раз ситуация оказалась беспрецедентной: немецкая принцесса рыдала и всячески пыталась скрыть своё естество – определить целомудрие, естественно, не удалось».

Многие подозревали, что у Натальи Алексеевны была связь с Андреем Разумовским. Причём связь ещё до брака. Павел же был настолько влюблён и настолько неопытен, что поверил в «чистоту» супруги с её слов. Не обращал он внимания и на намёки, которые делали ему впоследствии. Даже императрица-мать не смогла убедить его в том, что слишком уж вольны отношения Натальи Алексеевны и Андрея Разумовского. Правда, Павел всё же переживал некоторое время, но супруга, узнав причину его огорчений, закатила скандал, упрекала в том,

что не верит ей, и клялась в том, что оклеветана. Она рыдала, падала в обморок, и Павел пове-
рил ей.

Екатерина Михайловна была свидетельницей семейной трагедии, она конечно же сочув-
ствовала Павлу, но когда с Натальей Алексеевной случилась при родах беда, самоотверженно
делила роль сиделки с императрицей.

И вот снова, как ей казалось, назревал роман. Кто мог знать, во что выльется симпатия
великой княгини, как, в конце концов, поведёт себя Николай и какова будет реакция Павла.

Екатерина Михайловна знала, что невеста понравилась великому князю, он повеселел,
исчезли недавние горькие мысли. О своей суженой писал так:

«Я нашёл невесту такову, какову только желать мысленно себе мог: не дурна собою,
велика, стройна, незастенчива, отвечает умно и расторопно. Что же касается до сердца её, то
имеет она его весьма чувствительное и нежное... Весьма проста в обращении, любит быть дома
и упражняться чтением и музыкою, жадничает учиться по-русски...»

14 сентября принцесса была крещена в православную веру с именем Мария Фёдоровна
и обручена с Павлом Петровичем, а 26 сентября 1776 года они венчались.

Павел полюбил свою супругу, и она ему отплатила взаимностью. Он стал, как свидетель-
ствуют биографы, «образцовым семьянином, пример которого служил всем его потомкам –
будущим русским императорам».

Давно уже Россия не видела столь плодovitого брака. Одно перечисление детей Павла
Петровича и Марии Фёдоровны впечатляет: Александр Павлович (1777—1825), Константин
Павлович (1779—1831), Александра Павловна (1783—1801), Елена Павловна (1784—1803),
Мария Павловна (1786—1859), Екатерина Павловна (1788—1819), Ольга Павловна (1792
—1795), Анна Павловна (1795—1865), Николай Павлович (1796—1855), Михаил Павлович
(1798—1849), великий князь. Итого десять детей. А если прибавить внебрачного сына от
Софии Чарторыжской, которому дали имя Симеона Афанасьевича Великого, то одиннадцать.

Екатерина Михайловна обратилась к императрице с просьбой отпустить её в своё под-
московное имение Кайнарджи. Государыня согласилась не сразу. Но она уж и сама стала под-
мечать подозрительное внимание великой княгини к сыну Екатерины Михайловны. Отпустила
её, а затем повелела создать специально для Николая Румянцева достойную дипломатическую
должность, и вскоре он был отправлен за границу в ранге посланника.

Екатерина Михайловна прожила ещё несколько лет в уединении, уже отчаявшись вернуть
хотя бы какие-то отношения с супругом.

22 августа 1779 года она ушла из жизни.

Она была похоронена в старом соборе Донского монастыря. Румянцев-Задунайский,
находясь в Киеве на службе, выехал на её похороны, но попасть на них не успел.

Он давно уже покинул супругу, оказавшуюся, по отзывам современников, «на деле образ-
цовой, попечительную мать, прекрасною, рассудительною хозяйкою, отлично управляв-
шею хозяйством, и притом верною и любящею супругою, добывавшеюся если не до самой
своей кончины, то очень долго совместного супружеского житья с мужем “так, как жила первые
годы”. Проживая первое время брачной жизни сначала в Москве зимою, а летом в принадле-
жавшем княгине подмосковном имении Стрепкове, супруги Румянцевы жили согласно».

В «Русском биографическом словаре» Половцева говорится о времени рождения Екате-
рины Михайловны следующее:

«О годе рождения графини Румянцевой существует немалое разногласие: так, граф Д.А.
Толстой говорит, что она родилась 25-го сентября 1714 г. и по достижении уже 34-летнего
возраста вступила в брак с графом П.А. Румянцевым; автор исследования о роде князей Голи-
цыных, г-н Серчевский, заявляет, что она родилась в 1723 г., но того же 25-го сентября; князь
Лобанов-Ростовский, в своей Русской Родословной Книге, т. II, принимает годом рождения
графини 1725 год; автор книги “Род Князей Голицыных”, т. I, – князь Н.Н. Голицын показы-

вает, что она родилась в 1724 году того же 25-го сентября; этот год изображен и на ее надгробном памятнике в Москве и подтверждается не только словами самой графини в письме к её супругу, в котором она высказывает, что она ему ровесница, но также письмом её отца князя М.М. Голицына к князю Борису Ивановичу Куракину, что “Всевышний даровал ему дочь Екатерину сего 25-го сентября 1724 года”».

Если она всё-таки была старше Петра Александровича на десять лет, более понятно его к ней отношение. Но как он мог жениться с такой разницей? Ответ может быть только один – государыня вместе с его отцом решила, что именно такая жена сможет держать его в руках. Но этого не произошло...

«Дело в сём крае» должно быть под «вашим командованием!»

А впереди были новые бои с турками. Подросли и возмужали ученики Петра Александровича Румянцева, а его здоровье уже оставляло желать лучшего. Но он оставался в строю, по-прежнему командуя крупнейшим войсковым объединением – 2-й армией.

Возмужали ученики и любимейший из них, выпестованный в Первую турецкую войну – теперь уже тоже генерал-фельдмаршал, да ещё и Светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин. Возмужать то он возмужал, но и в новую Русско-турецкую войну 1787—1791 годов произошло событие, которое едва не выбило из колеи ученика и вновь пришлось ему опереться на доброе, надёжное плечо своего учителя.

В самом начале войны, в сентябре 1787 года, Потёмкин отдал приказ молодому Черноморскому флоту выйти в море из Севастополя, искать везде неприятеля и атаковать его, невзирая на превосходство в силах. Приказ отличался решительностью и твердостью. «Хотя бы всем погибнуть, – писал Потёмкин командующему флотом Войновичу, – но должно показать свою неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявить всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы то ни стало, хотя бы всем пропасть».

А 24 сентября Потёмкин получил ошеломившее его известие о том, что Черноморский флот попал в сильный шторм и понёс колоссальный урон. Трудно передать горе Григория Александровича, столько сил вложившего в создание флота. В тот день он был близок к отчаянию, о чём свидетельствуют его письма к двум самым близким ему людям – Екатерине II и П.А. Румянцеву.

«Матушка Государыня, – писал он, – я стал несчастлив... Флот севастопольский разбит бурей; остаток его в Севастополе, все малые и ненадежные суда и лучше сказать не употребительные; корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьёт, а не турки. Я при моей болезни поражён до крайности; нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Верьте, что я себя чувствую (sic) не дайте чрез сие терпеть делам. Ей, я почти мёртв, я все милости и имение, которое получил от щедрот ваших, повергаю к стопам вашим и хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к графу Петру Александровичу (Румянцеву. – Н.Ш.), чтоб он вступил в начальство, но, не имея от вас повеления, не чаю, чтобы он принял, и так, Бог весть, что будет. Я всё с себя слагаю и остаюсь простым человеком, но что я вам был предан, тому свидетель Бог».

Второе письмо было к Петру Александровичу Румянцеву, в котором Потёмкин также изливал душу и делился своими переживаниями, заканчивалось предложением принять командование всеми вооружёнными силами на юге России. В ответ на сообщение Потёмкина о том, что «Государыня... пошлёт о принятии начальства», Румянцев решительно возразил:

«Что до письма Государыни, то я его и поныне не имею и не желаю, чтобы в нём была нужда; но того желаю от всего сердца, чтобы вы, милостивый князь, наискорее выздоровели и... чтобы все обстоятельства вообще вам способствовали на одержание вам же определённых побед и славы. Сего вам от всей души и наиусерднейше желает к вам всегда преданный и вас душевно любящий...»

Кстати, это письмо опровергает довольно распространённую версию о неприязненных отношениях между двумя полководцами.

Душевное потрясение было велико, но расслабиться Потёмкин позволил себе лишь на один день, даже вечер. Он излил в письмах свою боль и снова с присущей ему энергией занялся неотложными делами. И поддерживали его супруга его императрица Екатерина с проверенным в боевых делах другом и учителем Петром Александровичем Румянцевым. Императрица прямо написала: «В эти минуты, мой дорогой друг, Вы отнюдь не маленькое частное лицо,

которое живёт и делает, что хочет. Вы принадлежите государству, Вы принадлежите мне. Вы должны, и я Вам приказываю, беречь Ваше здоровье. Я должна это сделать, потому что благо, защита и слава Империи вверены Вашим попечениям, и что необходимо быть здоровым телом и душою, чтобы исполнить то, что Вы имеете на руках. После этого материнского увещания, которое прошу принять с покорностью и послушанием, я продолжаю...»

В следующем письме императрица отозвалась на просьбу Потёмкина о передачи командования Петру Александровичу Румянцеву, следующим образом: «Дай Боже, чтобы ты раздумал сдать команду Фельдмаршалу Румянцеву. Не понимаю, как одному командовать ужасной таковой громадою. Разве в такое время, когда за верно будет безопасно от неприятельских нападений или предприятий».

Императрица и в последующих письмах старалась приободрить Потёмкина: «Сколько буря не была вредна нам, авось-либо столько же была вредна и неприятелю. Неужели, что ветер дул лишь на нас?» Действительно, турецкий флот тоже пострадал от бури, причём, как стало известно позднее, пострадал в значительно большей степени, что Севастопольский.

Впрочем, Потёмкин уже был в строю. Злопыхатели, которые любят говорить о его хандре, о его слабости, намеренно умалчивают о том, что светлейший князь был очень серьёзно болен. Болезнь, которая была получена в Крыму и чуть не свела его в могилу, которая постоянно имеет в письмах лихорадкой, сильно мучила его. Кое-кто дописался до того, что стал оправдывать Наполеона за поражение в Бородинском сражении тем, что у того был в тот день насморк, а при насморке сильном, мол, человеку трудно соображать. А здесь болезнь, изо дня в день ухудшающаяся состояние... Какое нужно иметь мужество, какую волю, чтобы, преодолевая физические страдания, сохранять силу духу! Ведь Потёмкин путём титанических усилий благоустроил юг России, создал флот, построил верфи, города. И теперь он же возглавил защиту этого края. Распоряжения его, как свидетельствуют документы, были строги, точны и грамотны. К тому же пришли обнадеживающие сообщения о флоте, которыми он тут же поделился с Суворовым.

26 сентября он писал: «Флот наш, выдержавши наихудшую бурю, какой не помнят самые старые мореходы, собирается в гавани Севастопольской. Корабль “Святой Павел” и фрегаты: “Св. Андрей”, “Легкий”, “Победа”, “Перун” и “Стрела” уже там. Корабль “Слава Екатерины” с одним фрегатом показался в виду той гавани, и только не достаёт корабля “Марии Магдалины” и одного фрегата, но и о тех есть слух, что они близ берегов. И так теперь остаётся употребить старание о скорейшей починке флота, дабы к будущей кампании был оный в состоянии выйти в море».

В те дни Потёмкин направил различным адресатам десятки писем и распоряжений, которые лучше всего показывают его сильную волю, способность побороть отчаяние и держать в руках нити управления огромным хозяйством, находившимся в его ведении. Приведём лишь некоторые из тех писем.

В своих письмах Румянцев уже в начале войны не раз упоминал, что чувствует себя плохо, но он провёл две кампании и начал третью, 1789 года.

К началу кампании армия, которой он командовал, насчитывала до 35 тысяч человек.

Между тем турецкий султан Абдул-Хамид, потрясённый падением Очакова и другими поражениями, уже склонялся к миру, но с его внезапной смертью надежды на прекращение войны рухнули. Двадцатидевятилетний Селим III, вступивший на престол, не захотел начинать своё правление с заключения мирного договора, который полагал позорным. Новый султан рвался взять реванш, для чего в марте 1789 года двинул вперед войска.

Пётр Александрович Румянцев послал навстречу туркам 4-ю дивизию, возглавляемую генерал-поручиком В.Х. Дерфельденом, с задачей воспрепятствовать сосредоточению неприятельских сил между Днестром и Прутом и отбросить корпус турецкого военачальника Якуб-паши на правый берег Дуная. Дерфельден разбил неприятеля под Максименами и Галацем, ознаменовав своими блестящими победами начало кампании 1789 года.

По планам, главная роль отводилась в ней именно армии генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева. Но он чувствовал, что силы уже не те, и для пользы дела просил императрицу соединить все силы под командованием Потёмкина.

В его письме, датированном 29 марта 1789 года, значилось:

«Моя пятидесятилетняя военная служба, от всех вредных заключений публики, коя часто по одним догадкам славу наидостойнейших мужей помрачает, охранена, и мое щастие было бы совершенно, ежели бы я в состоянии был в новом назначении вашему Императорскому Величеству служить. Но при всём горячем желании, будучи теперь удручён тяжкими болезнями, я себя вижу принуждённым... о увольнении от всех дел до совершенного восстановления моего вовсе разрушенного здоровья, просить».

Вспомним, ещё в самом начале войны Румянцев писал Потёмкину, что «дело в сём крае не может лучше пойтить, как под одним вашим командованием». Он же объяснял, что одолели болезни и старые раны и подчас «чуть видит, что пишет».

Получив рескрипт Екатерины II об отставке, Пётр Александрович направил 2 апреля 1789 года Потёмкину душевное письмо следующего содержания:

«Я очень рад, батюшка князь, что всё сбылось по моему усердному желанию и сходственно с лучшей пользой дел, ибо я никак не был в состоянии делать кампании; мои ноги, как бревна, и всё тело, как колода. Остаётся мне теперь желать Вам всех успехов в наших предприятиях и ожидать от вашей добродетельной души, что вы мне усладите ту горесть, что я чувствую от скорбей и болезней, Вашим пособием в доставлении мне нужного покоя и времени не на восстановление, коего я уверительно не ожидаю, а на поправление моего вовсе потерянного здоровья. Я просил сей милости от Государыни, и я уповаю твердо на её милосердие и на Ваше о мне сострадание в сём моём печальном положении, прося Вас всепокорно в том весьма быть уверенными, что моя благосклонность к Вам будет бесконечна и выше всякого выражения и что я с сим чувством и наивысшим почтением наиискреннейше привязан пребуду, доколь жив, Вашей Светлости всепокорный и всепослушный слуга».

Румянцев ушёл в отставку по своей воле, по собственной просьбе, но недоброжелатели Потёмкина, которых было в избытке, тут же придумали версию об изгнании прославленного полководца, а затем эта сплетня перекочевала в «труды» недобросовестных историков.

Итак, Румянцев считал, что дело в сём крае не может пойти лучше, как под одним, единым руководством Григория Александровича Потёмкина. Война перешла в следующую стадию, задачи на кампанию 1789 года были самые решительные.

Потёмкин перевёл на главное направление действий Александра Васильевича Суворова, подчинив ему 4-ю дивизию, в состав которой входило 5 пехотных, 4 карабинерных и 4 донских казачьих полка, а также 30 орудий полевой артиллерии.

В журнале возглавляемого Потёмкиным нового стратегического объединения, названного «Соединённая армия на юге», прописаны задачи, поставленные Суворову, и рассказывается о блистательном их решении.

Пётр Александрович Румянцев отправился на отдых, полагая, что больше уже не придётся ему становиться в боевой строй – годы не те, да и здоровье не то.

Но он ошибся. В 1791 году оплакал он своего ученика Григория Александровича Потёмкина, а своим близким, присутствовавшим при этом, сказал: «Россия лишилась в нем великого мужа, а Отечество потеряло усерднейшего сына, бессмертного по заслугам своим».

Узнав о заключении мирного договора, порадовался победоносному завершению войны с турками, справедливо названной «Потёмкинской».

Русский историк Д.Н. Бантыш-Каменский в книге «Биографии Российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» писал: «Екатерина торжествовала мир, заключенный с Турцией 1791 года, и не забыла Задунайского; он получил тогда шпагу, украшенную алмазами, за

занятие части Молдавии в начале войны, как будто в предзнаменование, что рука его должна ещё ополчиться к подвигам славы».

А в апреле 1794 году, ровно через пять лет после ухода на отдых, Пётр Александрович получил собственноручное письмо императрицы, в котором она писала:

«Я слышала о лучшем состоянии теперь здоровья вашего, обрадовалась, и желаю, чтоб оно дало вам новые силы разделить со Мною тягости Мои; ибо вы сами довольно знаете, сколь Отечество помнит вас, содержит незабвенно всегда заслуги ваши в сердце своём; знаете также и то, сколь много и все войско самое любит вас и сколь оно порадуетя, услыша только, что обожаемый Велизарий опять их приемлет, как детей своих, в своё попечение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.